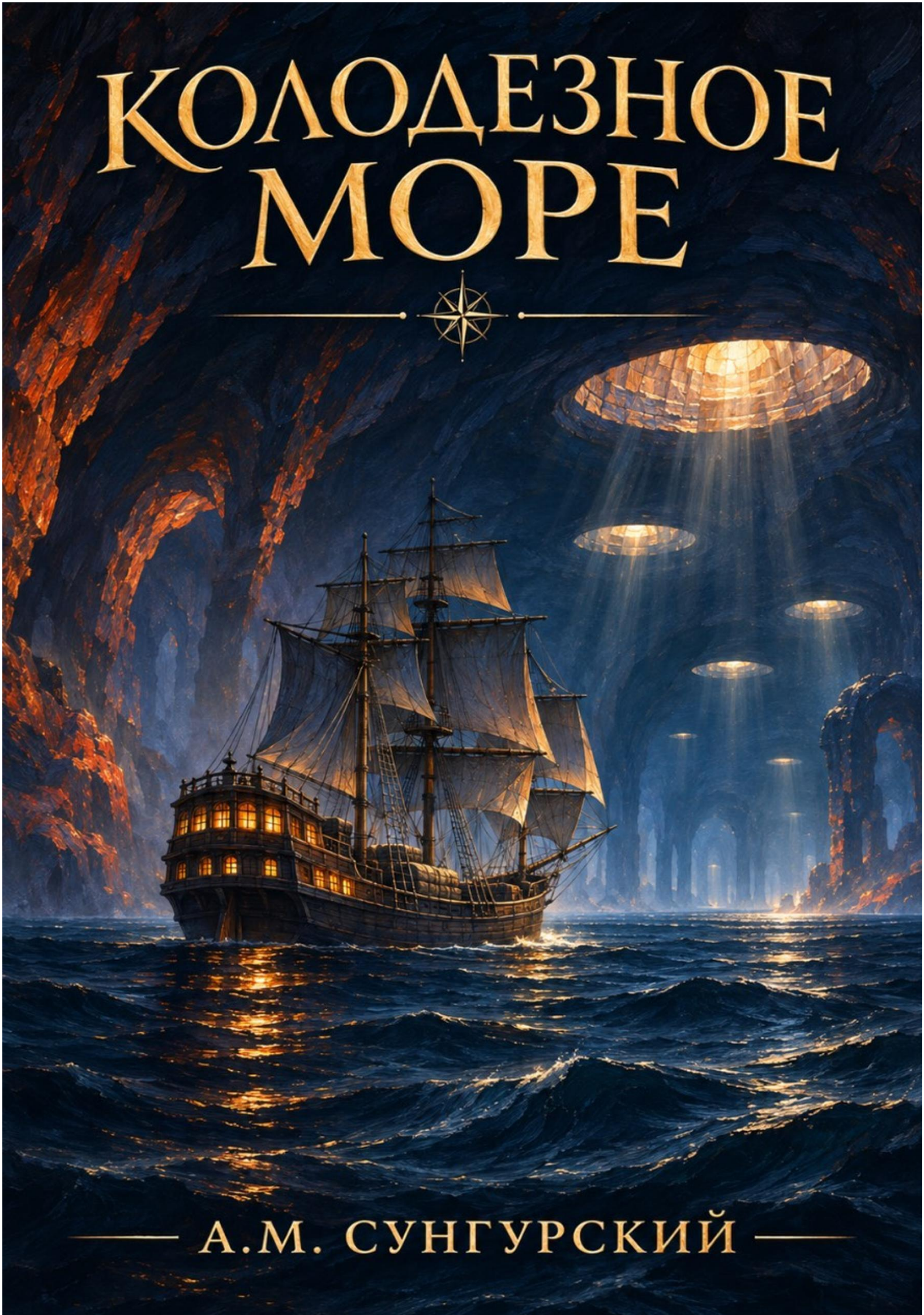
КОЛОДЕЗНОЕ МОРЕ

А.М. СУНГУРСКИЙ

А.М. Сунгурский

Колодезное море

«Автор»
2026

Сунгурский А.

Колодезное море / А. Сунгурский — «Автор», 2026

В пересохшем колодце Дарья Корнеева слышит прибой.Под последним кольцом лежит море. Вместо звёзд над ним светятся чужие колодцы, а между гаванями ходят корабли. Здесь знают её сына. Третий день его телефон недоступен — зато незнакомый лодочник передаёт записку, написанную его рукой.Дарья отправляется по его следу. Наверху один за другим пустеют колодцы. Внизу уходит всё дальше корабль со странным грузом.Она ещё не знает: когда этот корабль будет найден, сын встанет у неё на пути.

© Сунгурский А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Сухое ведро 5
Глава 2. За нижним кольцом 10
Глава 3. День наверху 14
Глава 4. «Сорока» 18
Глава 5. Чужая тень 24
Глава 6. Каменная кисть 30
Глава 7. Встречный свет 36
Глава 8. Третий конец 41
Глава 9. Соляной ход 47
Конец ознакомительного фрагмента. 51

А.М. Сунгурский
Колодезное море

Глава 1. Сухое ведро

Воду Маргарита привезла в банках из-под кабачковой икры. Банки стояли на крыльце по росту, от литровой до маленькой, с отколотым краем, и в каждой плавала своя соринка. Дарья подумала, что соседка всю дорогу прижимала их друг к другу в сумке, боясь расплескать. До магазина было недалеко, но оттуда воду в таких банках не носили.

— У сестры взяла, — сказала Маргарита, заметив её взгляд. — У них холодная идёт. У меня, видишь, даже в ванной ведро пустое.

Она провела Дарью к колодцу, хотя та знала дорогу. Мимо двух узких теплиц, синей бочки с положенной сверху доской, мимо скамьи, где весной они раскладывали вынутый насос. Сейчас на скамье лежала вчерашняя газета. Её придавили камнем, и Дарья по привычке убрала её подальше от края, прежде чем поставить рабочую сумку.

За оградой Гриша выгружал из машины треногу. Он взялся за неё слишком близко к середине, одна нога раскрылась и звонко ударила о борт.

— Царапнешь — будешь закрашивать, — сказала Дарья.

— Сначала найди, какую именно царапину я сделал. Тут они уже семьями живут.

Он подхватил железную ногу коленом, сложил треногу и пронёс её в калитку. Маргарита посторонилась, придерживая полы выцветшего халата. В жару она всё равно носила халат поверх платья: так было куда складывать ножницы, прищепки и мелкие деньги, которые в доме постоянно исчезали.

— Я вчера насос выключила сразу, — сказала она Дарье. — Как затрещал, так и выключила. Ты не думай, что я его до последнего гоняла.

— Я ещё ничего не думаю. Давай посмотрим.

Крышка колодца нагрелась так, что Дарья подняла её за металлическую петлю через рукав. Из круглого отверстия пахнуло прохладой, знакомой сырой известью и чем-то ещё — пустым, резким, как от железного ведра, в котором долго лежала рыба. Она присела на корточки и посветила вниз.

Насос висел на прежней глубине. Ниже темнел узкий мокрый пояс. Воды не было.

Дарья проверила, куда уходит кабель, потом отключила питание у розетки в сарае и вернулась с прибором. Гриша уже поставил треногу, но верёвку пока не доставал.

— Сначала железку, — сказала она.

— Я и не собираюсь тебя туда бросать. У тебя сегодня ещё два клиента.

Он аккуратно принял мокрый кабель. Они вынули насос вдвоём и положили в пластиковый ящик. Дарья провела большим пальцем по сетке: глина, немного песка, ни забитой травы, ни обрывка пакета. Сетка была цела. Рядом на верёвке болталось обычное оцинкованное ведро. Маргарита сама опускала его ночью, когда решила, что сломался насос.

— Пустое пришло? — спросила Дарья.

— Первый раз на донышке было. Второй уже ничего. Я до утра не спала, всё слушала.

Дарья отпустила ведро по сантиметрам, чтобы оно не раскачивалось и не скребло о стенки. Сухой металлический звук вернулся снизу с неожиданной задержкой. Она посмотрела на верёвку: метка, оставленная ими в мае, ушла в отверстие, а ведро ещё не коснулось дна.

— Гриш.

Он перестал сматывать кабель и подошёл.

Дарья опустила ещё немного. От свободного конца верёвки у неё в руке осталось меньше локтя. Ведро звякнуло, затем качнулось где-то внизу, будто попало не на дно, а на край ступеньки.

— Подсвети сбоку.

Гриша направил второй фонарь. Между двумя лучами проступило нижнее кольцо, потом ещё один тёмный, неровный пояс. Дарья знала, сколько здесь колец. Она сама спускалась сюда весной, чистила швы и находила потерянную Маргаритой чайную ложку. Тогда до дна было меньше.

— Осело? — спросил Гриша.

— Верх ровный.

— Могло снизу провалиться.

Дарья поднялась и прошла вокруг оголовка. Земля не растрескалась, плитка на дорожке лежала как прежде. Она вернулась и осторожно потянула верёвку. Ведро шло тяжело, словно в нём всё-таки появилась вода. На середине оно ударилось о выступ, и Дарья придержала его, попросив Гришу не тянуть.

На свет поднялась мокрая стенка. Внутри лежала длинная лента тёмной водоросли.

Маргарита взяла её двумя пальцами, но тут же выпустила.

— Это что ещё такое?

Дарья наклонила ведро над ящиком. Воды хватило бы на четверть кружки. Она была мутной, пахла сильнее, чем воздух из колодца, а на дне блестели несколько песчинок. Дарья потрогала край водоросли перчаткой. Скользкая упругая лента тянулась за пальцем и не рвалась.

— Может, кто бросил? — сказала Маргарита. — У соседей внук приезжал. Но он маленький, ему и крышку не поднять.

— Пока не надо ни на кого думать.

Дарья вылила остаток в чистую банку, которую Маргарита принесла из дома, и закрыла крышкой. На банке ещё держалась бумажка с прошлогодним числом и словом «огурцы». Она зачеркнула слово и написала маркером: «Колодец. Утро».

— Пить нельзя, — сказала она. — И насос пока не включаем. Даже если вода поднимется.

— Я поняла. Что же, покупать теперь?

Маргарита посмотрела в сторону теплиц. Дарья тоже посмотрела: листья висели тусклыми ладонями, а на земле у порога лежал сорванный зелёный помидор. Наверное, отломился, когда соседка проходила с банками.

— Для питья купим. На огород сегодня попросим у Васильевых.

— У Васильевых тоже ушла.

Дарья повернула голову.

— Когда?

— Позавчера. Николай сказал, что у них насос. Они новый заказали. А у Раи ещё в воскресенье. Я думала, у всех по-разному.

Жара держалась долго. В Твери ругались на пыль, на духоту в автобусах, на воду, которой поливали асфальт не там, где хотелось тем, кто проходил мимо. Дарья за неделю успела трижды услышать, что колодцы обмелели и всё это уже было в каком-то забытом году. Она не спорила: мелели. Но пустой колодец редко становился глубже от жары.

— Ты мне про Раю почему не сказала?

— Я же тебе про себя звонила. И так всё время бегом.

Упрёк был справедливый, хотя Дарья не поняла, кому именно его следовало принять. Она достала телефон и набрала Николая. Пока шли гудки, Гриша снова наклонился к отверстию.

— Там стучит, — сказал он.

Дарья подняла свободную руку, прося подождать. Николай ответил не сразу и принялся подробно объяснять, какой насос ему посоветовали. Она остановила его вопросом о дне. Он сказал, что не смотрел: чего туда смотреть, раз насос не качает. Дарья попросила ничего пока не покупать и пообещала зайти позже.

Когда она убрала телефон, звук услышали все трое.

Внизу раздались три удара. Не глухой стук падающего камня — дерево ударяло о дерево. Между вторым и третьим прошла короткая пауза, точно человек сменил руку.

Маргарита отступила к скамье.

— Там кто-то есть?

Гриша опустил фонарь на страховочном шнуре. Свет медленно пошёл по стенке и качнулся у нижнего кольца.

— Эй! — крикнул он. — Вы там?

Ответа не было. Длинное эхо его голоса уходило куда-то в сторону. Дарья почувствовала, как холодеет кожа под рабочей рубашкой. Она слышала колодцы много лет: пустые, полные, осыпавшиеся, с насосом, который хозяин поклялся отключить и забыл. Иногда из них доносились такие звуки, что первая мысль была вовсе не о земле и воде. Но голос всегда возвращался по шахте. Этот ушёл за стену.

— Камера в машине? — спросила она.

Гриша молча кивнул и побежал за сумкой.

Они опустили камеру на размеченном кабеле, сняли нижние кольца, потом попробовали повернуть головку ниже. На экране возникла серая стенка, перечёркнутая светом. За ней плавно двигалось тёмное пятно. Гриша подвёл фонарь ближе, и пятно оказалось водой. Она не стояла на дне, а уходила вбок, под каменный выступ, который не мог поместиться в колодезной шахте.

Дарья вытерла экран сухой стороной рукава. Изображение не изменилось.

— Кабель целый? — спросила она.

— Да. Это не старая запись. Видишь, я двигаю.

Он поднял камеру на ладонь, и каменный выступ сдвинулся вниз. Тёмная вода продолжала ходить небольшими ровными волнами.

Маргарита стояла за их спинами, дышала часто и шумно. Дарья попросила её сесть в тени и принести ещё одну чистую банку. У просьбы было простое назначение: дать соседке дело, которое она умела делать.

— Звонить куда? — тихо спросил Гриша.

— Сейчас посмотрим воздух и крепления. Если провал, огородим. Внутрь пока никто не идёт.

Они работали почти час. Гриша проверил треногу, верхнее крепление и лебёдку, Дарья опустила прибор для проверки воздуха. Пока он показывал обычные значения, она следила не за цифрами, а за движением шнура. Из глубины тянуло прохладой. После повторной проверки стало понятно только то, что воздух не объяснял увиденного.

Маргарита принесла чай в термосе. Дарья попросила её отойти от треноги и не браться за канаты. Гриша уже надел на себя часть страховочной системы; вторую он разложил на скамье для Дарьи. Они оба знали, как она ненавидит, когда её застёгивают и проверяют, словно ребёнка перед прогулкой, и оба всё равно делали это каждый раз.

— До первого непонятного места, — сказал он. — Дальше я тебя вытаскиваю.

— До выступа. На выступ не перехожу.

— Я слышал.

Она поставила термос в синюю сумку, закрепила сумку сбоку, проверила фонарь на каске и спустила ноги в отверстие. Маргарита отвернулась. Дарья ещё видела её узкую спину и понимала, что соседка сердится: весь этот долгий утренний труд пока не дал ей ни кружки воды.

Внизу стало прохладнее. Дарья спускалась, ставя ноги в знакомые скобы и не отдавая весь вес верёвке. Верхний круг света уменьшался. Она называла Грише пройденные кольца; он повторял номера, чтобы она слышала его. На последнем привычном кольце камень сменился шероховатой серой породой. Здесь в мае было дно.

Дарья остановилась, упёрлась ботинками в стену и направила фонарь вниз. До выступа оставалось меньше метра. За ним поднималась и опускалась тёмная вода. Она ясно увидела край волны и белую пену, растёкшуюся по камню.

— Даша? — позвал Гриша сверху.

— Стою. Дай немного вниз, совсем немного.

Она спустилась настолько, чтобы заглянуть под нависший край. Слева камень продолжался, справа обрывался. Дальше лежала вода, и луч не находил противоположной стены.

Волна пришла снова. Она ударила в выступ, выплеснула пену на Дарьин ботинок и отступила с тихим шелестом гальки. Этот звук Дарья узнала прежде, чем успела сказать себе, что узнавать здесь нечего. В молодости она дважды ездила к морю. Первый раз Артём был таким маленьким, что боялся волны и радовался только её уходу, когда можно было бежать за водой по блестящему песку. Второй раз она одна сидела на берегу и думала, что надо было взять сына, хотя он уже не хотел ездить с матерью.

— Тут вода, — сказала она вверх. Голос вышел сухим.

— Вижу по камере. Поднимаю?

Она собралась ответить, но за пределом луча возник другой свет. Маленький жёлтый огонёк качался над водой. Он приближался, то скрываясь за каменным зубцом, то появляясь снова. Потом Дарья увидела тёмный борт и человека с веслом.

Человек поднял голову.

— Ногу уберите, — сказал он. — Сейчас ударит.

Дарья подтянула колени. Лодку подбросило волной, и её нос скользнул ровно там, где секунду назад был ботинок. Мужчина притормозил веслом, держась подальше от отвесной верёвки. На нём была серая куртка с заштопанным плечом; мокрые волосы прилипли ко лбу.

— Вы откуда? — спросила Дарья.

Он посмотрел вверх, на круг света, потом снова на неё.

— Это я хотел спросить. Вы туда идёте или сюда?

Сверху Гриша громко назвал её по имени. Дарья подняла голову, но ответила не сразу. За спиной незнакомца светились ещё несколько точек. Они висели высоко и далеко, и под ними тянулась вода. Одна точка была ярче других; от неё к морю шёл тонкий наклонный луч, похожий на солнечную пыль в сарае.

Дарья почувствовала, что руки начинают уставать, хотя верёвка держала её вес.

— Поднимай, — сказала она Грише. — Медленно.

Лодочник оттолкнулся от камня. Пока она поднималась, он смотрел на её синюю сумку, на ремни и каску, будто пытался понять не её появление, а то, как она подготовилась к дороге. Когда Дарья почти скрылась за нижним краем кольца, он крикнул:

— Эй, наверху! Не лейте пока. Слышите? Здесь лодка.

Она ещё успела ответить, что слышит.

Потом море исчезло за камнем, и вокруг снова была тесная шахта с мокрыми скобами. Гриша тянул ровно, без рывков. У самого верха он подал руку; Дарья ухватилась, опёрлась коленом на оголовок и вылезла на плитку.

Маргарита стояла у калитки и держала чистую банку.

— Ну? — спросила она.

Дарья села на скамью. Ей хотелось снять каску, но пальцы никак не находили застёжку. Гриша расстегнул ремень за неё и присел рядом.

— Что ты там видела?

Дарья посмотрела на крышку колодца, лежавшую в траве, потом на сухие листья в теплице. Здесь всё оставалось на своих местах. Даже зелёный помидор у порога лежал той же бледной стороной вверх.

— Лодку, — сказала она.

Маргарита коротко засмеялась, ожидая продолжения.

Дарья потянулась к термосу, отвернула крышку и сделала глоток прямо из горлышка. Чай был тёплым и таким солёным, что она выплюнула его в траву.

— Ты чего? — Маргарита шагнула к ней. — Я только сахар положила.

Дарья протянула ей термос, но не выпустила из рук. На жестяном боку осталась мокрая полоса от её ладони.

— Ты его сама пила?

— На кухне. Из чашки. Что с тобой?

Гриша взял чистую банку и налил в неё немного чая. Они втроём смотрели на коричневатую жидкость, в которой не было ничего необычного, кроме вкуса. Из колодца донёсся слабый скрип дерева, и Маргарита перестала спрашивать.

Глава 2. За нижним кольцом

Чашку с кухонным чаем Маргарита принесла сама. Она шла быстро, придерживая блюдце ладонью, и всё повторяла, что у неё сахар стоит справа, а соль в шкафу. Гриша попробовал чай из чашки, потом тот, который поднялся из колодца, и выплюнул второй вслед за Дарьей.

— Закрыт был? — спросил он.

Дарья молча протянула термос. Крышка не пропускала даже тогда, когда лежала набок в машине. На горлышке не было ни песка, ни следа чужих рук.

— Может, я... — начала Маргарита и замолчала.

Она забрала чашку обратно, будто доказательство её невиновности теперь следовало поставить на место. Дарья остановила её у скамьи.

— Ты ничего не перепутала. Дай ещё воды. Немного, вот сюда.

Они налили в маленькую бутылку воду из банки, которую Маргарита привезла от сестры. Гриша попробовал её, закрыл бутылку и обмотал крышку жёлтой изолентой. Дарья пометила уровень. Водоросль он тем временем переложил из ведра в отдельную банку и убрал все пробы в тень.

Сначала бутылку опустили до середины шахты. Гриша поднял её, разрезал ленту и налил немного в крышку. Вода осталась обычной. Во второй раз они налили свежую, снова заклеили горлышко и опустили ниже каменного выступа. Бутылка висела над волнами и ни разу их не коснулась: это было видно на экране камеры.

Когда она вернулась, жёлтая лента была цела.

Гриша снял её, попробовал каплю и посмотрел на Дарью с таким выражением, какого она у него прежде не видела. Он не боялся колодцев, машин, злых собак и сердитых хозяев, которым приходилось объяснять стоимость ремонта. Сейчас он держал бутылку на расстоянии от себя, словно та могла упасть ему на ноги, хотя весила совсем немного.

— Солёная, — сказал он.

Маргарита хотела попробовать сама. Дарья отняла у неё крышку.

— Хватит. Не знаем, что там кроме соли.

— А вы, значит, знаете?

— Тоже нет. Поэтому хватит.

Она поставила бутылку рядом с банкой и подписала её. Работа, которую можно было сделать руками, ненадолго успокоила. Гриша снимал всё на телефон: крышку, изоленту, отметку, экран с бутылкой. В записи его голос звучал деловито и слишком громко.

Дарья набрала Артёма.

Она не собиралась ему звонить именно сейчас. Последнее время вообще старалась звонить реже: если человек уехал работать, нельзя проверять его так, будто он впервые вышел за хлебом. Но сын лучше неё обращался с камерой, мог посмотреть запись, услышать невозможное эхо и сказать что-нибудь, от чего утро снова стало бы обычным. Вызов не прошёл. На экране появилось короткое сообщение, которое она уже видела три дня подряд.

Дарья открыла переписку. Последняя фотография была сделана у большой воды. На ней стоял деревянный борт, а в углу виднелся край Артёмова ботинка. Он подписал: «На месте. Работы хватает». Она тогда ответила, чтобы не забывал есть горячее, и сразу пожалела об этом. В двадцать шесть лет он, наверное, мог сам решить, что ему есть.

Теперь она увеличила снимок.

На воде не было ни берега, ни отражения неба. Только два размытых пятна света.

— Дай сюда, — попросил Гриша.

Она показала ему. Он долго водил пальцами по экрану, пытаясь увеличить дальний край фотографии, потом вернул телефон без объяснения.

— Позвони ещё.

— Он недоступен.

— Всё равно.

Она позвонила. Ничего не изменилось.

Из глубины кто-то крикнул:

— Наверху! Вы ещё там?

Гриша первым подскочил к колодцу. Дарья придержала его за рубашку, прежде чем он успел навалиться грудью на край.

— Здесь! — ответил он. — Кто вы?

— Человек в лодке. У вас женщина была. Ей сказать надо.

Дарья подошла и наклонилась к светлому кругу.

— Я слушаю.

Снизу повеяло прохладой. Лодочник что-то сказал, но слова смешались с плеском. Дарья попросила повторить. На этот раз она услышала только своё имя.

— Вы меня спрашиваете?

— Корнеева?

Гриша выпрямился и посмотрел на неё. Дарья поняла, что у неё дрожат ноги. Она даже успела разозлиться на это: пока внизу было непонятное море, она могла смотреть, проверять, доставать приборы. Теперь кто-то в море знал её фамилию.

— Откуда вы меня знаете?

— Не знаю. Пакет для вас есть. От Артёма.

Она снова надела каску. Гриша взял её за руку.

— Даш, стой. Пусть привяжет к верёвке. Зачем ты туда?

— Я поговорю с ним.

— Поговоришь отсюда.

Она посмотрела на него, и Гриша сжал её запястье сильнее.

— Я тебе не мешаю. Но сейчас ты просто побежишь вниз, потому что он назвал Артёма. Сначала пакет.

Дарья стояла неподвижно, пока пальцы Гриши не ослабли. Потом кивнула и сняла каску обратно. Они опустили пустое ведро, попросили лодочника положить пакет внутрь и подождали, пока тот отведёт лодку от верёвки. Наверх поднялась свёрнутая клеёнка, туго обмотанная тонким шнуром.

Артём всегда завязывал слишком много узлов. Дарья научила его одному надёжному, а он поверх неизменно добавлял ещё два, говоря, что так спокойнее. Она узнала эти лишние узлы прежде, чем увидела записку.

Внутри лежали деньги, сложенные пополам, и два листка из школьной тетради. На одном были адресованы три короткие строки: Маргарите, Николаю, маме. На втором Артём написал ей.

«Мама, со мной всё нормально. Я знаю, что у вас ушла вода. Это ненадолго. Я сам покажу, как вернуть, когда закончим рейс. Закажи привоз, деньги здесь. У Николая не меняйте насос, он исправен. Маргарите скажи, чтобы не лезла чистить. И ты не лезь. Вернусь и всё объясню».

Ни подписи, ни даты. Внизу маленькими буквами было добавлено: «Я не один. Здесь люди».

Маргарита стояла совсем близко, но Дарья закрыла листок ладонью. Это было нелепо: в записке называлось и её имя, речь шла о её воде. Дарья понимала, что закрывает не сведения о соседке, а ту последнюю строчку, которой сын попытался заранее ответить ей.

Гриша отступил на шаг.

— Его почерк?

— Его.

— Что пишет?

Дарья прочитала вслух всё, кроме последней строчки. Потом положила деньги на скамью рядом с мокрой перчаткой. Маргарита смотрела на них и не брала.

— Он там работает? — спросила она.

— Не знаю.

— А про мой колодец знает.

Дарья опустила глаза на листок. «Я знаю, что у вас ушла вода». Почерк сына был неровным, буквы прыгали: писал на колене или на качающейся доске. Но слова были выбраны не впопыхах. Он не спрашивал, что произошло. Он знал.

— Я спущусь поговорить, — сказала она.

На этот раз Гриша не стал удерживать её за руку. Он показал на скамью, заставил сесть и сам проверил крепления, медленно, как проверяют вещь, которую уже один раз проверили, но больше ничему не доверяют.

— До того же места. Верёвку не отстёгиваешь. Если он начнёт звать в лодку, сначала говоришь мне.

— Хорошо.

— Не «хорошо», чтобы я отстал.

Она посмотрела ему в лицо.

— Я тебя слышу, Гриш.

Внизу лодочник ждал. Он привязал нос лодки к железной петле, вбитой в камень сбоку от устья, и держал весло поперёк колен. Теперь Дарья увидела, что ему немало лет: морщины от глаз расходились к вискам, на подбородке была седая щетина. Куртка сидела на нём плохо, широкая в плечах и короткая в рукавах.

— Как вас зовут? — спросила она.

— Виктор. Череда. Вам как удобнее.

Он подождал, давая ей назвать себя, но Дарья сразу перешла к тому, ради чего спустилась.

— Где Артём?

— На «Долгой воде». Вчера видел. Живой, ходит, командует, как большой.

— Где это?

Виктор указал веслом в темноту. Дарья раздражённо качнула головой.

— Я не вижу, куда вы показываете.

— И не увидите. Они вчера ушли дальше. Тяжёлый груз, но ход у них хороший. До нижнего причала, если не задержатся, раньше нас дойдут.

— Кто — они?

— Савелий Руднев. Капитан. Команда. Ваш Артём.

— Что за груз?

Виктор посмотрел на мокрый край камня у её ботинок, потом поднял взгляд.

— Вы же воду ищете.

Дарья сильнее упёрлась ногами в стену. Сверху Гриша позвал её. Она ответила, что всё нормально, хотя это было самое неподходящее слово из всех, какие можно было выбрать.

Виктор протянул руку к низкому выступу. Там лежал небольшой белый обломок, похожий на толстый корень, который кто-то выварил и оставил мокрым. Он поднял его осторожно, на сложенной тряпке, и показал Дарье гладкий изгиб с одной стороны и неровный срез с другой.

— Здесь висел. Край остался. Я его не ломал, если вы об этом подумали.

— Что это?

— От вашего источника. От этого, — он указал вверх. — Мы корнем зовём.

— Камень?

— Потрогайте, только за сухую сторону.

Дарья сняла одну перчатку и коснулась обломка. Он был твёрдым и тёплым. Не нагретым на солнце — солнца здесь не было, — а тёплым изнутри, как камень, который долго держали в ладони. С неровного среза скатилась капля. Виктор подставил под неё палец, потом вытер его о тряпку.

— Скоро высохнет. Это только край. Главное они забрали.

— Артём забрал?

— Я не стоял у него за плечом.

Он ответил резче, чем прежде. Дарья посмотрела на него внимательнее. Виктор не прятал глаз, но взгляд у него был тот самый, какой она знала по людям, которым не хочется ни лгать, ни говорить всё.

— Вы пакет за деньги принесли?

— За работу, — сказал он. — Мне заплатили за работу. Узнать нужное устье, дождаться, передать. Я передал.

— Тогда сколько, чтобы отвести меня к нему?

Виктор опустил обломок обратно на тряпку. Он не ответил сразу, и Дарья увидела, как меняется его лицо: перед ним уже была не испуганная женщина на верёвке, а возможная пассажирка, о которой требовалось подумать.

— Вы хоть понимаете, куда собрались?

— Нет. Поэтому и спрашиваю того, кто понимает.

— Тут не доехать и назад к ужину. А у вас наверху человек держит конец. Слышите, опять зовёт.

Гриша действительно звал её, на этот раз громче. Дарья ответила и попросила ещё минуту.

Виктор отвязал от края скамьи короткий шнурок и протянул ей. На шнурке был деревянный поплавок, потемневший от воды, с вырезанной косой чертой.

— Если решите, опустите это завтра до нижнего края. Рано, пока верхний свет не ушёл вправо. Я буду здесь. Если не решите, можете оставить себе. На память о плохом утре.

— Завтра почему?

— Я к вам не один пришёл. Мне свои дела закончить надо. Вам, я думаю, тоже.

Дарья взяла поплавок. Он легко поместился в ладони. Она хотела спросить ещё очень многое, но вдруг почувствовала, как ремни врезались в бёдра и затекла правая нога. Внизу плескалась вода, а мужчина в чужой лодке спокойно ждал, когда она решит отпустить разговор.

— Обломок можно взять?

Виктор завернул его в тряпку и положил в ведро, которое Гриша опустил по её просьбе. Потом отодвинул лодку веслом, освобождая ей место для подъёма.

— Только не сушите специально, — сказал он. — Если хотите увидеть, что ещё может.

Наверху Маргарита уже накрыла колодец до половины. Она оставила место для верёвок, но рядом положила тяжёлую доску, чтобы никто случайно не подошёл к открытому краю. Когда Дарья вылезла, соседка взяла из ведра свёрток, потрогала мокрую ткань и поставила его в пустую миску.

— У меня теперь камень вместо воды? — спросила она.

Дарья сняла каску.

— Я постараюсь вернуть воду.

Маргарита долго смотрела на неё. Потом забрала со скамьи деньги, пересчитала и разделила на три неровные стопки, сверяясь с Артёмовым первым листком.

— Сначала закажем машину, — сказала она. — Пока ты стараешься.

Глава 3. День наверху

К вечеру у Маргариты в колодце снова было дно.

Камера показывала серый ил, нижнее кольцо и маленький ржавый предмет, похожий на старую гайку. Воды набралось совсем немного; она покрывала дно неровной блестящей плёнкой. Ни выступа, ни волны, ни железной петли, к которой лодочник привязывал нос, больше не было видно.

Гриша поднял камеру и протёр головку. Он ничего не говорил уже минут десять. Дарья стояла рядом с раскрытой сумкой, в которой лежали мокрая тряпка с камнем, деревянный поплавок и Артёмова записка.

Спасатели приехали раньше, ещё днём. Гриша позвонил, когда Дарья сидела на скамье и пыталась дозвониться сыну. Он сообщил о возможном провале и человеке под колодцем. Ему задавали короткие вопросы, на которые он сначала отвечал так же коротко, потом запутался и передал телефон Дарье.

Она сказала всё, что видела, без моря. Глубокая полость. Вода. Мужчина в лодке. Потом всё-таки пришлось сказать и море, потому что полость с лодкой звучала не понятнее.

Приехавшие мужчины не стали смеяться. Они осмотрели оголовок, попросили никого не подпускать к шахте, проверили крепления и опустили своё оборудование. К этому времени нижний ход уже начинал закрываться. Дарья видела, как вода проступает по внутреннему шву, а пространство за ним тускнеет, будто его затягивает мокрой тканью. Она показала им прежнюю запись. На маленьком экране волна была видна, лодка на записи второго спуска проходила только краем.

Один из мужчин несколько раз пересмотрел этот край.

— Сейчас там никто не отвечает, — сказал он. — Если появится голос или движение, сразу звоните. Сами больше не спускайтесь. Здесь нужна ещё проверка грунта.

Он не объяснил увиденное тем, чего не знал. От этого Дарье стало чуть легче, а потом тяжелее: она ждала, что чужой спокойный человек скажет, как с этим жить до завтра.

Маргарите оставили ограждение и напомнили про закрытую крышку. Она кивала, прижимая к груди пакет с хлебом, который только что привёз племянник. После их отъезда соседка долго смотрела вслед машине, потом спросила:

— Они думают, что мы придумали?

— Не знаю, что они думают, — ответила Дарья.

Теперь колодец казался обычным. Гриша прислонился к ограде и сел прямо на траву. Его рабочие брюки были грязными на коленях; из заднего кармана торчал изолентный хвост.

— Может, завтра вообще ничего не будет, — сказал он.

Дарья присела на корточки возле сумки и развернула тряпку. Обломок за день стал холоднее. На сухом краю проступила тонкая белая корка, а срез по-прежнему был влажным. Она положила его в неглубокую миску и прикрыла той же тканью.

— Тогда останется это.

— И записка. Я про то, что ты никуда не пойдёшь.

Она подняла глаза.

— Ты уже решил, что я иду?

— Я тебя видел. Ты пакет ещё не развернула, а уже шла ремни надевать.

Дарья хотела сказать, что речь о сыне, но Гриша это знал. Он был с ними на похоронах её мужа, помогал разбирать мастерскую, потом остался работать. Артём злился на него без причины, пока не нашлась настоящая: однажды Гриша вернул из ремонта сварочный аппарат раньше обещанного и получил за это больше, чем Артём за три дня помощничества. С тех пор они то сходились, то расходились, как люди, которым досталась одна и та же тесная кухня.

— Я не могу сидеть и ждать, когда он закончит рейс, — сказала Дарья.

— А я не могу держать тебя на верёвке, когда ты уже в лодку полезла. Это другая работа, Даш. Я её не умею.

Она села рядом на край дорожки. Сначала это движение показалось унизительным: взрослые люди разговаривают о невозможном и сидят на земле, потому что у обоих закончились силы. Потом Дарья вытянула ноги и почувствовала, насколько натёрло бедро ремнём.

— Я не прошу тебя идти со мной.

— Ещё бы ты попросила.

В голосе Гриши прозвучала злость, но он тут же отвернулся. У него дома была жена, работавшая посменно, и маленькая дочь, которая недавно научилась звонить ему сама. По вечерам она рассказывала в трубку всё подряд, пока он лежал под машиной или затягивал хомут, и Гриша отвечал ей одним словом через каждое её предложение. Дарья иногда смеялась над этим, а сейчас вспомнила, что дочь наверняка уже звонила.

— Домой тебе пора, — сказала она.

— Я знаю.

— Завтра утром я приду сюда. Если ход откроется... Сначала поговорю ещё раз. Узнаю, куда он идёт, на сколько, как обратно. Ты поможешь спуститься. Дальше я сама решу.

— Ты уже решила. Давай хоть не будем это репетировать.

Он поднялся и отряхнул брюки. Дарья осталась сидеть, пока он складывал часть оборудования. Лебёдку и треногу оставили в сарае Маргариты. Камеру Гриша забрал: хотел посмотреть запись дома на большом экране и показать знакомому, который разбирался в подземных работах лучше них. Дарья попросила не обрезать начало, где видны кольца. Он сердито ответил, что не собирался делать кино.

***

Машина с водой приехала уже после шести. Водитель долго искал, где удобнее встать, и Маргарита нервничала из-за колеи у ворот. Когда рукав протянули к её ёмкостям, она вдруг перестала торопить всех и внимательно следила за каждым ведром, которое подставляли соседи.

Николай пришёл с тележкой. Его жена осталась у себя, принимая первую воду в бочку. Рая принесла чистые канистры и по пути сообщила ещё о двух людях, у которых стало плохо качать. Дарья записала адреса, но никому не обещала прийти утром.

— Мне завтра в другое место надо, — сказала она.

— А у нас что — не место? — спросила Рая.

Маргарита резко повернулась к ней.

— Дай человеку хоть вечером постоять.

Дарья взяла у водителя конец рукава и направила струю в следующую канистру. Она всю жизнь работала там, где кто-нибудь считал свою беду первой. Иногда человек был прав. Сейчас вода из машины шла с нормальным напором и пахла обычной водой; вокруг толпились люди, которым на сегодня этого хватило бы. Дарья не могла сказать им, что уже думает о другом берегу.

Николай протянул ей деньги за отменённый выезд.

— Ты же всё равно смотрела. У нас насос целый, я включал на секунду, он крутит. Хорошо, что новый не купил.

Она не взяла.

— Это Артём предупредил.

— Артём откуда знает?

Дарья держала тяжёлый рукав обеими руками и не могла привычно поправить волосы, прилипшие ко лбу. Николай ждал ответа. Она посмотрела на Маргариту; соседка уже отвела глаза.

— Он связан с тем, что происходит, — сказала Дарья. — Я пока не понимаю, как.

— Он что, воду отвёл?

Николай сказал это почти в шутку, но Дарья не ответила сразу, и улыбка сошла с его лица.

— Даша.

— Я узнаю. Больше сейчас ничего не могу тебе сказать.

Рукав дёрнулся, вода ударила в край канистры и брызнула ей на рубашку. Дарья перекрыла струю, вытерла лицо плечом и попросила Николая придержать следующую ёмкость. Он помог молча. Рядом Маргарита считала, кому ещё надо налить.

Когда машина уехала, во дворе запахло мокрой землёй. Этого запаха все ждали несколько дней. Люди разошлись с вёдрами и тележками; Маргарита наконец занесла свои банки на кухню. Она не стала переливать остатки в большую посуду, а поставила каждую на полку так, чтобы ничего не пропало.

Дарья задержалась у калитки.

— Деньги он прислал на всех. Если не хватит, я добавлю.

— Сегодня хватило.

— А завтра...

— Даша, я могу ещё заказать. Номер у меня теперь есть.

Маргарита устало улыбнулась, но потом улыбка исчезла.

— Ты лучше спроси у него, почему он мне не написал. Мне лично. Он же у меня и чай пил, и на этой скамейке спал, когда маленький был. А написал тебе, чтобы ты сказала.

Дарья кивнула. Ей было больно услышать это не потому, что соседка обвиняла сына. Она сама всё утро считала естественным, что объяснять его поступок придётся ей.

***

Дома Дарья первым делом открыла кран. Насос коротко загудел и остановился. Она выключила питание и не стала включать снова.

В холодильнике стояла кастрюля супа, сваренного два дня назад. Дарья достала её, поставила на плиту и села за кухонный стол, не разжигая огня. Дом был прохладным после вечернего проветривания. На подоконнике лежали очки, которые она искала утром; рядом тянулся к свету зелёный лук в обрезанной бутылке. Вода в бутылке была мутной, но её хватало.

Артёмова комната почти не изменилась после его отъезда. Он взял одежду и хороший инструмент, оставил книги, старые кроссовки, коробку с ненужными проводами. На столе лежала ручка, которую он всегда ругал: плохо писала. Дарья попробовала ею написать на обороте счёта и получила бледную ломаную линию.

Она нашла другую ручку и стала составлять список.

Тёплая одежда. Сухие носки. Лекарства, которые нужны ей самой. Бинт. Фонарь. Зарядка. Документы в плотном пакете. Еда. Деньги.

На слове «вода» она остановилась.

Гриша прислал короткое сообщение: «Лёд попробуем?»

Дарья посмотрела на морозильник. В его нижнем ящике лежала форма для льда, которой она почти не пользовалась. Она достала форму, вытряхнула старые кубики в раковину и налила свежую воду из купленной бутылки. Потом сняла на телефон, как закрывает форму пакетом, и отправила Грише.

Ответ пришёл сразу: «Утром. Не ночью».

Она написала: «Утром».

Суп всё-таки пришлось разогреть. Дарья поела стоя у плиты, потому что стоило сесть за стол, как глаза возвращались к Артёмовой записке. Бумага успела высохнуть и стала жёсткой на сгибах. Она разгладила её ложкой и переложила в отдельный карман сумки.

«Я не один. Здесь люди».

Она помнила другой листок, школьный. Артёму тогда было десять, и он оправдывался за разбитое окно. «Мы все так делали», — написал он, когда не смог сказать вслух. Дарья долго объясняла ему, что слово «все» не держало камня в руке. Сейчас ей хотелось достать ту старую фразу и приложить к новой записке, как мерку. Но сын не написал «все». Он написал «люди», и она ещё не знала, кого именно имел в виду.

Перед сном она позвонила ещё раз. Потом открыла переписку и записала голосовое сообщение, хотя понимала, что оно может не дойти.

— Тёма, я получила записку. Воду привезли. Насос Николай менять не будет. Я видела то место, откуда ты её отправил. Позвони, как только сможешь.

Она остановила запись и не стала добавлять, что собирается спускаться. Сын просил её не лезть, а она решила поступить по-своему. Эта маленькая симметрия разозлила Дарью так сильно, что она убрала телефон в другую комнату.

Ночью ей несколько раз казалось, что за окном идёт дождь. Она вставала и смотрела на сухую дорожку. Звук давали листья, которые ветер тёр о стену сарая.

***

Утром у колодца её ждал Гриша с двумя стаканами кофе. Один он сразу отдал ей, второй поставил на скамью и показал на сумку.

— Сначала поешь. Маргарита сейчас выйдет с пирожками, и ты не отвертишься.

Дарья улыбнулась впервые за сутки. В сумке, кроме обычного снаряжения, лежали маленький контейнер со льдом и чистая бутылка. Гриша взял контейнер, проверил крышку и спросил, сохранился ли лёд. Она кивнула.

Колодец был снова открыт в глубину. Вода, которая вечером покрывала дно, исчезла; под нижним кольцом темнел знакомый выступ. Они опустили контейнер на шнуре ниже камня и подняли через несколько минут. Кубики ещё держали форму, но по краям уже плавали в талой воде. Гриша перелил несколько капель в крышку, осторожно коснулся языком и покачал головой.

Дарья закрыла контейнер. Второго способа обойти море у них пока не оказалось.

Маргарита вышла с тарелкой и заставила обоих взять по пирожку. Потом она сама опустила в колодец деревянный поплавок Виктора. Гриша помог ей придержать верёвку, когда порыв снизу потянул лёгкую вещь в сторону.

— Не знаю, кому вы там сигналите, — сказала она. — Но пирожки у меня ещё есть. Если это надолго, возьмёшь в пакет.

Дарья ела тёплую картофельную начинку и смотрела на соседкины руки. Маргарита положила на тарелку ещё один пирожок.

Глава 4. «Сорока»

Виктор появился, когда Маргарита убрала тарелку. Сначала они услышали плеск, потом знакомый голос спросил, собирается ли наверху кто-нибудь держать поплавок весь день. Гриша поднял его и привязал к ножке треноги, чтобы лёгкая вещь не потерялась среди инструмента.

Дарья спустилась с маленьким рюкзаком. Синюю сумку, более тяжёлую, опустили отдельно. В ней лежали её обычные ключи, клещи, запасной фонарь и сменная одежда в плотном пакете. Большая часть всего, что она собрала ночью, осталась на скамье после первого же разговора с Гришей о весе.

Виктор ждал у каменного выступа. Он заранее уложил между бортом и камнем толстый свёрток ткани, чтобы лодку не било о край, и протянул ей спасательный жилет. Вытерев ладонью мокрую застёжку, показал, как её открыть. Дарья надела жилет поверх рабочих ремней, кое-как устроив всё на плечах.

— Садитесь ближе к середине. И держитесь за лавку, не за меня, — сказал он. — Я тоже могу упасть.

Она опустила одну ногу в лодку, дождалась, пока та перестанет качаться, и перенесла вес. Виктор подстраховал её под локоть, не дёргая. Наверху Гриша потравил верёвку, оставив слабину.

Дарья села. Теперь морская вода была ниже её колен, а не под ногами, и от этого всё вдруг сделалось настоящим в самом простом смысле. Лодка пахла мокрой древесиной, рыбой и старой одеждой. У её ботинка лежала щепка с зелёной краской, которую хотелось убрать, чтобы не вонзилась в руку. Дарья подняла её и положила на свободный край сиденья.

— До вашего судна далеко? — спросила она.

— Здесь, за камнем.

— Сначала посмотрю. Потом решу.

— Смотрите. Только верёвку снимите. Пока вы к верху привязаны, я от этого места не отойду.

Дарья подняла голову. Гриша виднелся в круглом отверстии далеко наверху: маленькое лицо, рука на краю, тёмный рукав. Она позвала его и объяснила, что лодка отойдёт к судну, но вернётся к устью перед окончательным уходом.

— Я тебя спрашиваю, Даш, — крикнул Гриша. — Ты сама решила?

— Сама.

Он помолчал.

— Тогда скажи, когда отстегнёшься.

Дарья расстегнула крепление к верхней верёвке и подняла карабин в вытянутой руке, чтобы Виктор отвёл лодку от него. Гриша вытянул свободный конец. На камне осталась вода, натёкшая с каната.

Несколько секунд она смотрела на место, где только что держалась связь с верхом. Потом Виктор налёг на весло, и лодка повернулась.

Устье колодца с этой стороны было похоже на короткую широкую трубу, выступавшую из огромного каменного потолка. Там, где Дарья стояла ботинками, шёл неровный карниз; его нижний край был свежим и белым, будто от него недавно отломили тяжёлый кусок. Дальше камень уходил вверх и терялся в полутьме. На нём виднелись другие выступы, тонкие длинные отростки, влажные полосы.

Виктор грёб вдоль каменной стены. За ней открылась вода, которой Дарья не ожидала даже после вчерашнего спуска. Она увидела широкую неподвижную даль, покрытую лёгкой рябью, и множество светлых точек над ней. Ближние отверстия были похожи на окна в толстой кладке. Дальние сливались в россыпь, как звёзды, увиденные сквозь дым. Откуда-то справа

шёл ровный ветер. Он пах солью и прохладным камнем, а в нескольких местах на воде лежали длинные полосы света.

Дарья достала телефон. Камера долго не могла выбрать, что сделать светлым — воду или свод. На экране море получилось темнее, чем перед глазами. Она сняла короткое видео и убрала телефон, не проверяя сеть.

— Здесь её нет, — сказал Виктор, заметив движение.

— Я снимаю.

— Тогда держите крепко. Один уже снимал. Потом три дня ходил по палубе, будто у него вместе с телефоном половина головы утонула.

— Артём?

— Другой. Ваш с телефоном был. Наверх лазил отправить что-то, когда мы ещё у первого устья стояли.

Дарья посмотрела на воду. Фотография, которую сын прислал ей, наконец получила место: он снял её здесь и поднялся достаточно высоко, чтобы отправить. Мог тогда позвонить. Мог сказать больше. Она не знала, сколько у него было времени, и всё равно сердилась.

«Сорока» стояла за широким каменным зубцом. Судно было меньше, чем Дарья представляла после слов «капитан» и «рейс». Деревянный корпус, невысокий борт, мачта с убранным парусом, низкая надстройка с квадратным окошком. Зелёная краска на корме выгорела пятнами; название было выведено белыми буквами, и последнюю букву кто-то недавно подправлял другой кистью.

На палубе сидела женщина и зашивала плотную ткань. Она подняла голову, посмотрела на пассажирку и снова опустила глаза к шву.

— Сева! — позвал Виктор. — Верёвку дай.

Из-за надстройки вышел худой парень в свитере с растянутым воротом. Он бросил короткий конец, поймал ответную петлю и подтянул лодку. Дарья ждала, пока мужчины закончат. Женщина с иглой поднялась, переставила ткань подальше от борта и подошла к низкой лестнице.

— Сумку сначала, — сказала она.

Дарья передала синюю сумку. Женщина взвесила её в руке, посмотрела на Виктора и ничего не сказала. Потом помогла Дарье подняться. Её ладонь была сухой и крепкой, с грубыми подушечками пальцев.

— Ася, — представилась она. — Вы к нему или с нами?

— Пока к нему. Дарья.

— Тогда вот здесь садитесь. На крышку не наступайте, она снята.

Ася указала на открытую часть палубы возле надстройки. Прямоугольная деревянная крышка лежала рядом с небольшим открытым люком. Дарья остановилась перед ним и дождалась, пока Сева отодвинет бухту каната. Палуба качалась мягко, но непрерывно, и к этому приходилось приспосабливать даже обычный шаг.

Виктор поднялся следом и представил её команде как мать Артёма с «Долгой воды». Сева сразу оживился.

— Он вам пакет передал?

— Передал.

— Я ему говорил, что лучше в банку. У нас клеёнка на сгибе трескается. Но Виктор завернул ещё раз.

Дарья взглянула на капитана. Тот возился с мокрым концом и делал вид, что не слушает.

— Спасибо, — сказала она.

— Вы пока за письмо благодарите. За дорогу рано.

Ася принесла кружку и налила воду из небольшой закрытой фляги. Дарья сначала понюхала, потом сделала осторожный глоток. Вода была пресной.

— Откуда?

— Купили у парусной пристани, — ответила Ася. — У нас своя кончалась.

— Я вчера чай спустила, он солёный стал. В закрытом термосе.

— Здесь все сперва закрытое пробуют. Потом замороженное.

Дарья невольно посмотрела на Гришин контейнер, который лежал в кармане рюкзака.

— Уже?

Ася усмехнулась.

— У меня отец с ледяной глыбой пришёл. Долго потом ругался, что зря тащил. Хотите, яблоко дам? Они нормальные, если не выжаты в бутылку.

Она достала из мешка маленькое жёлтое яблоко. На боку темнел ушиб. Дарья взяла его и срезала повреждённое место складным ножом, который ей протянул Сева. Мякоть была сладкой, привычной. Она ела её над ладонью, стараясь не уронить крошечную кожицу на палубу, и чувствовала нелепое облегчение от того, что хоть яблоко осталось яблоком.

— А эту воду можно наверх поднять? — спросила она, показывая на кружку.

— Можно, — сказал Виктор. — Только назад ещё раз принесёте — опять посолите. Был бы лёгкий путь, мы бы им давно пользовались.

— Перегонять пробовали?

Виктор открыл рот, но Ася ответила раньше:

— На дальней пристани гонят. У них печь и бак. Вода получается. Дрова нужны, железо целое, руки. У нас на судне один чайник можно, а на всех каждый день — мы бы только этим и занимались.

— Значит, можно.

— Можно, — сказала Ася. — Я так и сказала.

Дарья допила воду. За коротким ответом она почувствовала досаду: человек привык, что приезжие первым делом предлагают то, что здесь уже делали, ломали и снова чинили. Ей самой нередко приходилось слушать, что воду можно просто поднять насосом помощнее.

Сева попросил нож обратно и пошёл к парусу. Виктор присел перед открытым люком, тронул рукой металлический шток и несколько раз нажал на рычаг. Внутри что-то хлюпнуло. На палубу вышла тонкая струйка и сразу пропала.

Дарья наклонилась ближе.

— Подсасывает?

— Вчера ещё работала.

— Это я и от клиентов слышу.

Виктор посмотрел на неё с интересом.

— Вы чините такое?

— Сначала посмотреть надо.

Она поставила кружку на ровное место, попросила Асю придержать свет и открыла сумку. Ручная помпа была ей понятна не целиком, но достаточно, чтобы не хвататься сразу за всё. Дарья проверила соединение, попросила Виктора подать рычаг медленнее и услышала, где уходит воздух. На старой прокладке оказался надрыв. Запасная, которую Сева принёс из жестяной коробки, была почти такой же изношенной.

— Эту можно поставить на время, но новую всё равно придётся делать, — сказала Дарья. — И край здесь надо очистить. Ты его не дёргай так, он от этого ровнее не станет.

Она впервые обратилась к Виктору на «ты» и заметила это только по тому, как он улыбнулся. Исправляться не стала. Когда работа пошла, обращение уже не имело значения: он подавал то, что она просила, Ася держала лампу, а Сева записывал на обрывке картона размер нужной прокладки.

Через некоторое время помпа подняла воду ровно. Виктор подставил кружку, подождал и вылил обратно через отдельное отверстие.

— Это из запаса на судне, — объяснила Ася, заметив Дарьин взгляд. — Не из моря. Мы просто руками из бака набирали, пока он откладывал.

— Не откладывал, а шёл, — сказал Виктор.

— Теперь можешь идти с работающей помпой.

Дарья вытерла руки. Ей хотелось остаться ещё на десять минут и привести в порядок всё вокруг люка: уложить инструмент, подписать коробку, вынуть старую труху из зазора. Это желание было опасно знакомым. Она всегда могла найти работу там, где не знала, что делать с собой.

Рабочее «ты» осталось возле разобранной помпы. Теперь Дарья смотрела на Виктора как на незнакомого человека, которому предстояло доверить дорогу.

— Вы меня возьмёте? — спросила она.

Он перестал улыбаться.

— Договоримся. Только сначала скажите, зачем вам туда. Если забрать сына за воротник, лучше сразу назад. Он здесь не мальчик при чужом столе.

— Я записку читала. Воду из наших колодцев увезли на его корабле. Хочу узнать, как вернуть.

— Это вам с Савелием говорить.

— Значит, довезите до Савелия.

Виктор вытер мокрую ладонь о брюки и посмотрел в сторону дальних огней. Ася присела рядом с тканью, но иглу не взяла.

— До нижнего причала идём, — сказал он. — Там рассчитывали часть груза отдать, часть взять. Если «Долгая вода» не свернёт, встретим. Дней семь, может, меньше. А может, ветер встанет, тогда дольше. Обратно я вас в этот же двор не обещаю доставить. Устье водой зальёт — будете другое искать.

— Выходы есть?

— Есть. Только они не все туда, куда вам хочется. И не каждый день.

— Люди через них ходят?

— Я вчера ваш пакет туда отправил. Вы сейчас здесь сидите.

— Не делайте вид, что не понимаете вопроса.

Ася коротко хмыкнула. Виктор посмотрел на неё, потом вернулся к Дарье.

— Ходят. Возвращаются. Кто-то живёт на два места. Кто-то больше наверх не хочет. У меня сейчас нет открытого хода до вашего дома, кроме того, откуда мы пришли. Больше я честно ничего не скажу.

Дарья сложила инструмент в сумку. Виктор назвал цену. Столько она получала за несколько полных рабочих дней; деньги были у неё с собой, но отдать их сейчас незнакомому человеку означало поверить уже не только в море. Она достала конверт со своими сбережениями и положила на крышку люка.

Виктор не стал сразу брать его.

— Половину теперь, половину когда довезём. Еда общая. Вода по общему запасу. Если умеете чинить, будете помогать; за это отдельно я с вас не возьму. Но на палубе, когда Ася говорит держаться или лечь, вы держитесь или ложитесь. Не объясняете ей, как вы дома работали.

— А если вы меня не довезёте?

— Тогда второй половины не будет. Первой может тоже не хватить на то, что мы потеряем. Тут с каждого края свои вопросы.

Дарья пересчитала половину названной суммы и оставила на крышке. Остальные убрала. Ася взяла бумажный клочок, записала сумму и два имени. Дарья удивлённо посмотрела на неё.

— Чтобы потом не вспоминали по-разному, — сказала Ася. — У нас бывало.

***

К устью Виктор повёз её ещё раз. Гриша ждал наверху и отозвался сразу. Дарья рассказала о судне, команде, сроке, пресной воде и способе возвращения через другие устья. Он слушал, не перебивая, пока она не сказала про семь дней.

— А мне что делать семь дней?

— Работать. Я тебе оставила список клиентов и деньги на то, что придётся переделать без меня. Маргарите помоги с привозом. Если ещё колодцы станут сухими, записывай, где и когда. Не спускайся один.

— Список клиентов я и сам найду. Мне людям что говорить?

Дарья подняла голову. Ей было трудно разглядеть его лицо против верхнего света.

— Что я уехала искать Артёма. Если спросят про колодцы, скажи: он написал, что знает причину. Я поехала выяснять.

Гриша ничего не ответил. Виктор держал лодку в стороне от камня и смотрел на весло.

— Гриш, я буду искать место, откуда можно позвонить. Как только смогу — позвоню. Если я не вернусь, ты покажешь записки и записи. Не держи всё у себя.

— Я уже копию сделал.

Она кивнула, хотя сверху этого, наверное, не было видно.

Сначала на верёвке спустился пакет с пирожками. Потом свёрток с оставшейся сухой одеждой, запасная батарея и короткая записка Гриши с номером его жены — на случай, если она потеряет телефон и станет искать его через чужой. Дарья прочитала номер, знакомый наполовину, и долго складывала листок.

Маргарита напомнила про свой разговор с Артёмом: пусть пишет ей лично. Потом велела Дарье не пугать там людей голодным лицом и есть пирожки, пока они мягкие. Гриша засмеялся, и его смех прошёл по шахте тонким звенящим эхом.

Виктор дождался, пока Дарья уберёт пакет под сиденье.

— Всё?

Она ответила не сразу.

— Да.

Лодка отошла. Дарья смотрела вверх, пока лица не исчезли за каменным краем. Ей захотелось позвать Гришу ещё раз и сказать что-нибудь полезное, последнее, чего он не знал. Она не нашла таких слов.

На «Сороке» Ася уже приготовила место для её сумок. Сева принял пакет с пирожками и сразу спросил, можно ли один. Дарья разрешила. Он надкусил слишком жадно, начинка выскользнула ему на пальцы, и он поспешно поймал её ртом. Ася рассмеялась и подала ему тряпку.

Парус подняли не сразу. Сначала Виктор вывел судно из-за каменного зубца, а Ася показала Дарье, за какую верёвку нельзя хвататься и где можно стоять, не мешая. Она предложила перейти на «ты», и Дарья согласилась. Ася объясняла коротко, в нужный момент, когда положение менялось перед глазами.

Дарья помогла отнести снятую крышку на место и прижала её коленом, пока Сева закрывал крепление. Потом подняла голову.

Ветер наполнил парус. «Сорока» наклонилась, вода пошла вдоль борта, и Дарья схватилась за ближайшую стойку. Ася сразу положила её руку ниже, на крепкий деревянный поручень.

— Вот здесь. Эта тонкая, её сломаешь — вместе с ней полетишь.

Дарья переставила руку и смотрела, как знакомое устье уходит в сторону. Его свет уже трудно было отличить от соседних. Только белый обломанный край ещё оставался виден, словно кто-то выбил у дома нижнюю ступень.

Глава 5. Чужая тень

Первое время Дарье казалось, что море под ними куда-то стекает. Судно шло ровно, а тёмная поверхность справа медленно поднималась к каменной стене; стоило отвернуться, как пол снова уезжал из-под ног. Она нашла на берегу светлое пятно и смотрела на него, пока пятно не ушло за корму.

— На дальнее смотри, — посоветовала Ася. — Только не наверх. Там хуже.

Наверху действительно было хуже. Устья двигались с разной скоростью, ближние проходили над мачтой, дальние оставались на месте. Между ними висели длинные каменные наросты. Некоторые были сухими и чёрными, у других белели концы. Иногда с высоты падала крупная капля, и круг от неё расходился по воде совершенно по-домашнему, как в бочке после дождя. Из-за этого особенно трудно было понять размер свода.

Дарья отвернулась от него. Ей хотелось спросить, что это за пятно впереди, но рот наполнился слюной, и вопрос пришлось отложить.

Сева появился рядом с пустым тазом.

— Вот. Ася сказала, может понадобиться.

— Спасибо, — ответила она, стараясь не разжимать зубов.

Он постоял ещё, явно собираясь помочь чем-то сверх таза.

— Первый раз все. Я тоже. Только Виктор говорит, что нет, но ему уже никто не верит.

— Сева, — позвала Ася с кормы. — Таз поставил — иди.

Парень ушёл. Дарья сидела, зажав таз между ботинками, и злилась на свой желудок почти так же, как на сына. Она спустилась сюда с инструментом и планом разговора, а теперь все её способности свелись к тому, чтобы не испачкать чужую палубу. Через некоторое время стало легче. Она успела разглядеть на внутреннем борту вырезанные ножом буквы, старые, затёртые краской. Чьи-то два имени, одно под другим. Нижнее начиналось на «Л», остального было не разобрать.

Виктор передал управление Асе, подошёл и сел рядом, оставив между ними место для таза.

— Мы сейчас вдоль стены пройдём. Там тише. Если надо, можно лечь.

— Надо ремни снять. Давят.

— Внизу тесно. Но там занавеска есть.

Он показал на дверь надстройки. Дарья поднялась не сразу, выждала, пока палуба вернётся под стопы, и пошла, держась за поручень. Внутри пахло сухим хлебом, древесной пылью и чьей-то мятной мазью. Вдоль стен стояли две узкие койки, между ними едва хватало места повернуться. На одной лежал аккуратный тюк; на другой — свитер, книга без обложки и пластиковая расчёска с двумя отсутствующими зубцами. Над койками были прибиты карманы из парусины. Каждый карман жил своей жизнью: из одного торчал моток проволоки, из другого выглядывал носок.

Дарья задвинула занавеску, сняла жилет, стянула рабочую систему и некоторое время сидела с нею на коленях. Тяжёлые пряжки оставили на бёдрах влажные следы. Здесь эти ремни, привычные и необходимые, только мешали; отстегнуть их оказалось почему-то труднее, чем отстегнуться от верхней верёвки. Она свернула систему, убрала в синюю сумку под койкой и снова надела жилет.

Когда вышла, Ася уже сидела на борту с иглой. Виктор вернулся к управлению, а Сева вытаскивал из-под скамьи плоский свёрток.

— Поможешь держать? — спросила Ася. — Если отпустило.

Дарья присела напротив. В свёртке оказались два длинных полотнища, сшитых из полос разного оттенка. На нижнем крае чередовались зелёные и жёлтые треугольники.

— Кому это?

— Наверх. Женщина над верандой повесит. Ей обязательно надо зубцы, хотя дождь с зубцов капает ровно на шею. Я предупреждала.

— Может, ей красиво.

— Ей красиво. А шить мне.

Ася протянула шов, Дарья придержала ткань. Руки наконец получили понятное дело. Полотно было плотным, сухим, с прохладной изнанкой; на нём виднелись меловые отметки. Дарья стала подавать край вслед за иглой, и тошнота понемногу отступила.

— Ты здесь давно? — спросила она.

— Внизу или у него?

Ася кивнула в сторону Виктора, который не мог слышать их за шумом паруса.

— Здесь.

— Давно. Отец меня привёл. Потом я ходила туда и обратно, работала наверху. Сейчас больше тут.

— А у него?

— Второй год. И всё второй год: ещё один рейс, и я сойду. Он уже сам смеётся.

Дарья посмотрела на шов. Не следовало спрашивать, почему не сходит, тем же голосом, каким спрашивают, почему женщина не закрыла неисправный кран.

— Место нужно, — сказала Ася сама. — Чтобы стол стоял и стену не отдавало при каждом ударе волны. У парусной пристани есть сарай над старой печью. Мне обещали посмотреть. Но за одно обещание я инструмент с судна не сниму.

Она закончила шов, проколола ткань ещё раз и спрятала конец нити. Дарья отпустила край. Вместе они сложили полотно, стараясь не сбить зубцы в ком.

— За него сегодня заплатят?

— Если успеем. Люда наверху до обеда ждёт. Потом у неё смена.

Слово «смена» прозвучало так буднично, что Дарья на миг представила небо, автобусную остановку и женщину, которой надо успеть на работу после странной доставки из колодца. Она вынула телефон. Прошло немногим больше двух часов с тех пор, как Гриша убрал верёвку. Батарея держалась хорошо. Значка сети не было.

— Там можно подняться? Мне позвонить надо.

— Если успеем, — повторила Ася. — Мы ещё Лидию забираем. Она с кошкой, так что на спокойную погрузку не рассчитывай.

***

Лидия ждала на каменной полке под низким навесом. У неё было два узла, деревянный ящик с ручкой и плетёная корзина, накрытая серой наволочкой. Из-под наволочки раздавалось протяжное возмущение.

— Она так со вчерашнего вечера, — сообщила Лидия, едва Виктор приблизился. — Чувствует дорогу.

— Она у тебя чувствует любую корзину.

— Значит, не любит, когда решают за неё.

Виктор ничего не ответил, и Дарья впервые заметила, как хорошо он умеет промолчать, не делаясь обиженным. Пока он удерживал лодку у камня, Лидия передала ящик, узлы и наконец корзину. Сама спустилась по двум железным скобам, повёрнутым к воде, и тяжело села. Дарья подвинулась, придерживая кошачью корзину коленями.

Лидия была ниже её ростом, широкая, в тёмной кофте поверх светлого платья. Волосы коротко острижены, у виска торчит один непокорный завиток. На ногах — мягкие туфли, заботливо завёрнутые поверх носков в прозрачные пакеты.

— Не смотри, — сказала она Дарье. — У меня других нет. Я у дочери сухая хочу появиться. А то опять начнётся.

— Что начнётся?

— Что тут мне плохо живётся.

Она подобрала край платья и оглянулась на полку. Под навесом осталась низкая табуретка и кружка на гвозде. Дарья подумала, что Лидия забыла кружку, но та смотрела не на неё. Её взгляд задержался на занавешенной двери в глубине каменного выступа. Потом она повернулась вперёд.

До «Сороки» они дошли за несколько минут. Ася принимала вещи, Сева придерживал лестницу. Кошка замолчала в тот самый миг, когда её перенесли через борт; от неожиданной тишины все посмотрели на корзину. Лидия приподняла наволочку, проверила и сообщила, что жива, просто собирается с мыслями.

Ящик оказался футляром для швейной машины. Его поставили в сухое место рядом с Асиным полотном. Дарья провела пальцем по потемневшему дереву: над щеколдой блестела новая накладка.

— Чинили? — спросила она.

— Здесь чинили. Наверху мне сказали купить другую, — ответила Лидия. — А мне другую не надо. Эта у меня хорошая. Просто перестала шить.

Сева засмеялся. Лидия обернулась к нему.

— Ты тоже хороший, а толку пока немного. Тебя же не меняют.

Он втянул голову в плечи и ушёл укладывать узлы. Дарья улыбнулась впервые с отплытия. Лидия села на скамью, поставила корзину под ноги и принялась развязывать пакет на одной туфле: плёнка сползла и мешала. Дарья помогла ей, стараясь не сделать узел слишком тугим.

— Ты к дочери насовсем?

— На зубы. А потом как получится.

— Машину зачем?

— Внук штаны рвёт быстрее, чем я сюда возвращаюсь. Заодно Люде обещала помочь. Она мне наверху угол держит, я ей шью.

Лидия говорила об этом так, как могла бы говорить о поездке через реку. Дарья смотрела на её пакеты, на корзину, на футляр, с которого кто-то бережно стёр пыль перед дорогой. Вся эта обыкновенная поклажа проходила между мирами задолго до того, как она, Дарья, научилась верить собственным глазам.

Устье для подъёма оказалось в глубоком кармане свода. «Сорока» туда не помещалась мачтой, и Виктор оставил её с Асей за каменным выступом. Дальше пошли на лодке: Лидия, Дарья и он. Полотно лежало поперёк сиденья, ящик с машиной — на дне. Сева остался на судне готовить место для обратного груза.

Из круглого отверстия падал свет, желтоватый после нижней синевы. В нём медленно вращалась бечёвка с привязанной деревянной палочкой. Над водой висела верёвочная лестница; нижние ступени были убраны в короткий свёрток, чтобы не намокали.

— Матвей! — позвала Лидия.

Над отверстием появилось лицо. Потом второе, женское.

— Ба! Ну наконец. Мы думали, вы не придёте.

— Ты сначала корзину подними. И не раскачивай, она уже сердитая.

Виктор привязал корзину к спущенной петле. Наверху потянули, корзина пошла медленно, поворачиваясь. Кошка подала голос лишь у самого края, отчего верхняя женщина сказала что-то сердитое, а Лидия засмеялась. Следом подняли узлы.

Дарья ждала, стоя на коленях между футляром и бортом. Ей хотелось окликнуть людей наверху, попросить телефон, спросить, где они находятся. Она видела только полоску светлой

стены за их плечами и ветку какого-то дерева. Обычное дерево росло там, где, по её глазам, должен был продолжаться сплошной камень.

— Сначала человека, — сказал Виктор, когда сверху снова опустили петлю.

Лидия стянула пакеты с туфель и сунула их Дарье.

— Выбросишь потом. Только не здесь. Тут у него всё море чистое, а один пакет увидит — неделю говорит.

Виктор развернул ей лестницу. Подняться из лодки к первой ступени было неудобно. Дарья упёрлась коленом в лавку, дала плечо; Лидия нажала на него всей тяжестью, пробормотала извинение и поставила ногу. Сверху опустили ещё одну верёвку с широким поясом. Виктор застегнул его на ней, проверил соединение и подал конец наверх. Матвей сказал, что держат вдвоём.

Лидия поднималась медленно. На каждой третьей ступени останавливалась, будто хотела оглядеться, хотя всякий раз только переводила дыхание. Дарья снизу видела подошвы её туфель, серую нитку, прилипшую к каблуку, и свою ладонь, которая всё ещё держалась в воздухе, уже ни в чём не помогая.

Когда Лидию приняли наверху, Матвей отвязал лестницу и спустил её в лодку. Виктор собрал мокрые ступени у борта. В это время от каменной стенки оторвалась первая струйка воды.

Виктор сразу поднял голову.

— Люда, у вас что?

— Набирается. С утра ещё сухо было. Мы тут ничего не лили.

Он посмотрел на светлый край. Вода стекала по двум местам и пропадала, не долетая до моря. В воздухе проступила мутная полоса, точно Дарья смотрела сквозь запотевшее стекло.

— Машину! — крикнула Лидия сверху. — Виктор, машину давай!

Он взял спущенную грузовую верёвку и обвязал футляр крест-накрест. Дарья придерживала его, пока он затягивал узел. Потом они вместе подняли ящик с дна, вывели за край и отпустили на натянувшуюся верёвку. Вес сразу ушёл вверх.

Дарья достала телефон.

— Можно его с машиной? Мне только сообщение отправить. Там готовое, я покажу...

Она осеклась. Футляр уже поднимался. Привязывать телефон отдельно значило снова спускать верёвку, а наверху Матвей сопел так, что было слышно в лодке. Виктор ничего ей не сказал. Он отвёл лодку чуть в сторону, чтобы не оставаться под тяжёлым ящиком.

Дарья открыла переписку с Гришей, набрала: «Я на судне, всё нормально. Идём к Артёму. Как колодцы?» Отсутствие сети делало эти слова похожими на письмо, оставленное в закрытом столе.

— Лидия! — крикнула она. — Можешь позвонить человеку? Я номер скажу!

— Говори!

Дарья продиктовала номер Гриши, затем номер его жены, на случай если он не ответит. Лидия попросила повторить последние цифры. Пока Дарья повторяла, Виктор обвязал полотно. Мутная полоса возле устья стала шире; свет ещё проходил, но верхние лица уже расплывались.

— Скажи: Дарья жива, на «Сороке», едет за сыном! Дома пусть насосы пока не трогают!

— Поняла. Ты сама там береги...

Дарья убрала телефон в нагрудный карман. Последнее слово утонуло в плеске. Наверх потянули полотно, и оно качнулось, задело мокрый камень. Виктор придержал свёрток длинным шестом, отводя от выступа. Сверху вскрикнули. Ткань остановилась.

— Зацепилось, — сказал Матвей. — У нас ручка на вороте... Подождите!

Верёвка дрогнула, свёрток опустился на полметра. Из неплотного края высунулся жёлтый треугольник и повис над водой. Виктор вытянул шест дальше. Лодка качнулась, и Дарья отодвинулась к противоположному борту, возвращая равновесие.

— Я могу подняться и снять, — сказала она.

— Стой здесь.

Он сказал это без обычной разговорной мягкости. Дарья посмотрела вверх. Лестница была уже собрана у борта, по камню текло всё сильнее. Пока наверху снова закрепят лестницу, пока она дойдёт до того места, где держится ткань...

— Спускайте! — крикнул Виктор. — Полотно назад!

— Мы сейчас! — ответил Матвей.

— Назад, я сказал! Руки убрали от петли!

Верёвка пошла вниз слишком быстро. Виктор бросил шест и подхватил свёрток обеими руками. Дарья успела ухватить свободный край. Ткань тяжело легла на борт, захлестнула воду и на миг потянула лодку набок. Они втащили её внутрь, на освободившееся место на дне. Сверху опустили конец верёвки. Дарья потянула его к себе, отвязала и бросила свободный конец на воду.

— Вытягивай! — крикнул Виктор наверх.

Верёвка поднялась, мокрая, без груза. Свет в отверстии стал бледным. За ним всё ещё двигалась чья-то тень: вытянутая рука, плечо, край головы. Дарья снова достала телефон, хотя разговаривать по нему было некому. Тень наклонилась ближе, и ей на секунду показалось, что там Гриша, что они всего лишь вернулись под Маргаритин колодец и сейчас она услышит его недовольное «ну что ещё».

— Лидия! — позвала она. — Ты номер записала?

Ответа уже не было. Свет разбился на узкие полоски, потом стёк с камня, словно его смыли влажной тряпкой. На месте отверстия осталась неровная серая чашка. С её середины упали три капли.

Виктор подобрал шест. Лодка стояла под пустым камнем, полная мокрой ткани.

— Записала, — сказал он. — Я слышал, как она повторяла.

Дарья убрала телефон. Прежде чем поверить ему, она сама вспомнила голос Лидии, последние цифры, произнесённые сверху. Это не было ответом Гриши, но всё-таки сообщение ушло дальше её кармана.

***

Ася развернула полотно на палубе. Дарья помогала ей молча, стараясь не смотреть на жёлтые зубцы, теперь серые по краям. Большая часть ткани осталась сухой; намокла нижняя полоса и один бок, там, где свёрток лёг в море. Из шва сыпались песчинки.

— Машину подняли? — спросила Ася.

— Подняли, — ответил Виктор.

— Лидия прошла?

— С кошкой.

— Деньги?

Он покачал головой.

Ася присела, положила ладонь на мокрый край, потом вытерла её о собственные брюки.

— Она ждала до обеда, — сказал Виктор. — Мы раньше пришли. Вода сама поднялась.

— Я про воду ничего не говорю.

— Следующим рейсом заберём.

— Следующий рейс у тебя каждый раз очень богатый.

Он отвернулся к носу. Сева стоял рядом с мотком тонкой верёвки и, кажется, жалел, что не ушёл раньше. Дарья взяла мокрый край, чтобы расправить его у надстройки.

— Сколько я должна за задержку? — спросила она. — Вы к моему колодцу дважды ходили.

Ася подняла голову.

— Мы и так туда шли за ответом на письмо. И Лидию знали когда брать. Положи, я сама.

— Но если из-за меня...

— Даша, у нас с ним есть о чём спорить и без тебя.

Это прозвучало не грубо. Однако Дарья почувствовала себя человеком, который вошёл в чужую кухню и начал расставлять деньги по тарелкам, лишь бы все перестали сердиться. Она отпустила ткань.

Сева принёс щётку. Ася провела ладонью по краю, на котором уже выступала соль, и велела пока не тереть, только развесить: с водой для стирки надо было решить на пристани. Потом вынула из кармана маленькую книжку и зачеркнула одну строку. Виктор смотрел, как она пишет, но не подошёл.

Когда полотно закрепили так, чтобы оно не закрывало парус и не мешало проходу, Дарья села на прежнюю скамью. Таза у ног уже не было: Сева убрал его, словно рассчитывал, что она справилась окончательно. На ладонях остался запах мокрой ткани. Телефон лежал в кармане, и иногда ей чудилось, что он подаёт короткий сигнал.

Из-за каменного выступа показалась лодка. В ней стоял человек в широкой куртке и длинным веслом отталкивался от мелкой гряды. Он узнал Виктора, поднял руку и крикнул, закрыли ли проход.

— Закрыли! — ответил тот. — Лидия успела.

Человек выругался, сел и некоторое время смотрел на свод, выбирая, куда теперь идти. На дне его лодки лежали два пустых ящика и торчал букет длинных белых стеблей. Дарья не поняла, цветы ли это или какие-то коренья на продажу.

— «Долгая вода» здесь была? — спросил Виктор, когда лодка приблизилась.

— Вчера прошла. Не сюда. Через узкий ход.

— Точно Савелий?

— А кто ещё бочку на носу потерял? Я её до сих пор у себя держу. Скажи, пусть заберёт, а то я плату за стоянку назначу.

— На обратном пути назначишь.

Человек посмотрел на Дарью, потом на развешенное полотно, но ни о чём не спросил. Лодка медленно обогнула «Сороку» и пошла к другому каменному карману.

— Мы успеем? — спросила Дарья.

Виктор поднял голову, следя за верхним краем паруса.

— Пока идём следом. Он грузился, мы людей поднимали. У каждого свой день.

Дарья хотела ответить, что у сына её вода в трюме и потому дни у них всё же общие. Вместо этого она спросила, что надо убрать перед поворотом. Ася показала на ящик возле её ног. Они вдвоём отнесли его под навес, и «Сорока» вышла из спокойной тени к полосе ветра.

Глава 6. Каменная кисть

К пристани подошли, когда на Дарьином телефоне был уже вечер. Внизу время ничем не отмечало этого часа: всё тот же ровный полусвет, те же медленные отблески на камне. Только люди на берегу собирали работу. Мужчина закатывал тяжёлую катушку под навес, женщина в белом фартуке снимала с верёвки маленькие мешки, и откуда-то из глубины слышалось сердитое: «Я сказал, после еды!»

Пристань держалась на трёх широких уступах. Нижний принимал лодки, на среднем стояли верстаки и печь с длинной трубой, а верхний был занят жильём. Двери там были разные, будто их собирали по всему свету: зелёная с окошком, железная, две узкие половинки с медными ручками. Между дверями сушилось бельё. У самой кромки верхнего уступа рос в ведре кривой помидор; под ним стояла миска для стекающей воды.

Дарья посмотрела на помидор дольше, чем следовало. На тонкой ветке висели три бледных плода, и всё же кто-то нашёл для него землю, ведро и место возле света.

— Если вам нужна новая прокладка, здесь спросим, — сказал Виктор. — Игнат по резине найдёт. Заодно воды возьмём.

— Вы её у него берёте?

— Когда он продаёт. Сегодня должен.

«Сороку» поставили рядом с плоскодонной лодкой, в которой лежал разобранный шкаф. Сева спрыгнул на настил, принял верёвку и с таким старанием начал укладывать её, что Ася велела сперва закрепить судно, а уж потом делать красиво. Дарья дождалась, пока положат доску, и перешла на берег. После палубы неподвижный камень слегка покачивался под ней.

Ася осталась заниматься полотном. Она уже договорилась с женщиной в фартуке о тазе и воде после мытья посуды: жёлтые зубцы придётся выполоскать, а затем снова распороть один шов, который перекосило. Дарья предложила помочь, но Ася покачала головой.

— Ты свою помпу сделай. Сева со мной побудет. Ему полезно узнать, сколько стоит мокрый угол.

— Я его не мочил, — отозвался парень.

— А я тебя и не наказываю. Иди держать.

Игната нашли у длинного верстака. Он был в очках с одной заклеенной дужкой и в шерстяной безрукавке поверх майки. На груди, где у других висит крестик, у него болтался на шнурке короткий карандаш. Под ногами лежала собака, совершенно плоская от сна. Она приоткрыла глаз, увидела Виктора и снова закрыла.

— Живой, — сказал Игнат вместо приветствия. — А я твою железку уже в проход поставил. Кто зацепится, тот и купит.

— Не купит. Там цена написана.

— Я оборотной стороной поставил.

Виктор рассмеялся, но сразу посмотрел в глубину навеса. Дарья проследила за его взглядом и увидела небольшую ручную лебёдку на деревянной подставке. На рычаг была надета пустая варежка.

— Мне бы вот такое вырезать, — сказала она, протягивая Игнату картон Севы. — Только сначала материал посмотреть. Это для пресной воды.

Он взял картон, поднёс ближе к глазам.

— Нарисовать сумели, значит, и вырезать сумеете. Какой толщины старая?

— Старая уже не той толщины, что была.

Игнат поднял на неё глаза.

— Тогда принесите. Рисунок хороший, а железо всё равно надо видеть.

Дарья вернулась за снятой негодной прокладкой и отвинтила крышку помпы, чтобы показать Игнату посадочное место. Временную прокладку оставила на судне. Виктор задержался под навесом. Когда она снова пришла, он разговаривал с Игнатом тихо и держал в руке варежку, снятую с лебёдки. Они не замолчали при ней, просто закончили фразу, из которой Дарья успела понять только «сейчас всё не отдам».

Игнат рассмотрел детали, вынул из ящика несколько небольших листов материала и выбрал один. Дарья попросила дать ей обрезок, понюхала, согнула, провела ногтем по краю. Здесь ей не хотелось доверяться уверенной манере человека больше, чем его вещам. Игнат это заметил и без обиды подвинул лампу.

— Этот у меня на питьевом стоит. Год. Видите, откуда вырезано?

На листе не хватало круглого куска.

— Увидеть бы, как он год простоял, — сказала Дарья.

— Сейчас увидите. Мне как раз туда надо.

Он оставил Виктора у верстака и пошёл вдоль среднего уступа. Дарья взяла свои детали. Они миновали печь, возле которой на кирпичах стоял закопчённый чайник, и поднялись по трём высоким ступеням. За стенкой оказался тесный проход, освещённый лампой в круглой жестяной миске. Там с камня свисала толстая белая кисть.

Сначала Дарья увидела в ней именно руку: короткую ладонь и пять неодинаковых пальцев, два из которых срослись. Но пальцы росли в разные стороны, на них были кольца и продольные борозды, из двух сочились тонкие струйки, а третий ронял капли. Под ними стояла воронка, от неё уходила трубка в закрытый бак. Вокруг каменной кисти был закреплён металлический обруч, ни за что её не тянувший. Он держал воронку и маленький навес от пыли.

Дарья остановилась. Камень был того же белого оттенка, что обломок, который она оставила Маргарите.

— Можно ближе?

— Руками сухими не трите. И снизу не подставляйтесь, капает за воротник.

Игнат открыл деревянный кожух над баком. Под ним оказалась такая же простая помпа, как на «Сороке», только лучше ухоженная. Дарья положила свои детали на крышку бака. Игнат показал ей край уплотнения, но она уже смотрела выше.

— Это корень?

— Да.

— А наверху что?

— Колодец. Когда открыт, бывает видно. Сегодня полный, ничего не увидим.

Дарья подошла к кисти сбоку. От неё исходило слабое тепло, почти неотличимое от тепла собственной ладони, если держать руку близко. Вода собиралась в прозрачную бусину на нижнем пальце, висела, становилась тяжёлой и падала в воронку. Между каплями можно было успеть дважды вдохнуть.

— И вам хватает?

Игнат опёрся ладонью о стенку.

— Одного такого мало. У нас ещё два дальше. С этих пьём, готовим. Большую стирку копим, в мастерской тоже смотрим, куда льём. Если кораблю отдать, потом сидишь без продажи. Сегодня вам могу, за ночь набралось.

— Отсюда вода наверх идёт?

— Основная. А это боковая, что сама выходит. Её и собираем.

Он поправил трубку. Капля упала ему на палец, скатилась на ноготь. Дарья вспомнила, как Маргарита ждала у сухого крана и сердилась на сломанную пластмассовую ручку, хотя ручка была ни при чём.

— Если это снять целиком?

Игнат обернулся к ней.

— Вам кто предложил?

— Никто. У нас сняли.

Она достала телефон и остановила утреннюю запись на каменном крае под колодцем. На маленьком экране он выглядел гладким, почти обычным. Игнат взял телефон обеими руками, отвёл от лампы, приблизил к глазам.

— Вы оттуда пришли?

— Из соседского колодца. И мой пустой, и рядом ещё несколько. Сын написал, что знает, как вернуть. Он на «Долгой воде».

Игнат ещё раз посмотрел на экран. Потом отдал телефон и закрыл кожух.

— Имя сына?

— Артём.

Он кивнул, но Дарья не поняла, узнал ли имя или просто услышал.

— Вернуть можно? — спросила она.

— Пока срез живой. К тому месту, откуда взят. Только это не как трубу присоединить.

— А как?

Игнат поднял обруч, державший воронку, показал ей край старого крепления. На камне проходила неровная розовая полоса, местами исчезавшая в белом. Одна её сторона была выше другой, но между ними не оставалось щели.

— Этот у меня сорвался, когда опора под баком пошла. Мы ещё по молодости сам бак к нему и подвесили, ума хватило. Хорошо, тут внизу плита, на неё упал. Подняли тем же боком, стянули вокруг. Видите, где сошлось? За ночь прихватило, потом месяц боялись тронуть. Наверху вода вернулась. Хозяин потом подтвердил, когда опять открывался ход.

— Сколько он снятым был?

— До вечера. Долго тут никто ждать не собирался.

Дарья наклонилась к розовой полосе. Это было первое чужое свидетельство, похожее на ответ сыну: вернуть можно. Но Игнат не обещал ей ничего, даже сейчас, когда легко было сказать ободряющую фразу.

— А если его возили?

— Смотря как. Срез держали мокрым? Не переворачивали? В какую воду клали? Вы ведь этого пока не знаете.

— Морскую можно?

— Мокрую ткань с морской — можно. Лежать в море ему не надо. Там соль забивает тонкие ходы. Кто бережёт, возит в люльке, срез обёрнут, низ над желобом. Он продолжает давать воду, только больше, чем каплями: всё, что раньше шло наверх, собирают внизу.

Дарья выпрямилась. Она представляла корабль с бочками украденной воды. Теперь на корабле оказалось нечто другое — поднятый из её двора действующий источник, который всё ещё тянул оттуда, пока они говорили.

— И сколько он так может?

— Разные. Бывает, через два дня белеет, бывает, и неделями держится. Я их для продажи не снимал, таблицы у меня нет.

В его голосе впервые появилась сухость. Дарья убрала телефон.

— Я не прошу таблицу. Мне нужно понять, есть ли время.

Игнат посмотрел на неё, затем подвинул воронку так, чтобы следующая капля попала в середину.

— Если срез ещё тёплый и проминается под мокрым пальцем, пробовать стоит. Если весь стал как мел — кончилось. У меня снаружи такой лежит. Об него ногами вытирают.

Дарья забрала детали и пошла за ним обратно. Возле верстака действительно лежал белый плоский камень с тёмными подошвенными полосами. Дарья его уже переступала, не заметив. Теперь присела рядом, коснулась края. Он был сухой, холодный и крошился.

— Отсюда тоже?

— Дальше было устье. Кто-то снял, а довезти не смог. Нашли лодку без людей. Что с ними случилось — не знаю. Корень выбросили на полку, когда лодку вытаскивали.

Дарья провела по поверхности ногтем. Под ногтем осталась белая пыль. Этот камень был одновременно слишком похож и совсем не похож на кисть в глубине пристани. Она встала и отряхнула руки над пустым ящиком.

Виктора у верстака уже не было. Не было и лебёдки.

***

Новую прокладку Дарья вырезала сама. Игнат дал ей острый нож и ровную доску; на своей доске он не разрешал резать, как бы ни просили. Пока она работала, к нему пришёл человек с треснувшей дверной петлёй, потом женщина с миской и крышкой, которые никак не хотели совпадать. Игнат принимал вещи без торжественности, сразу назначая, когда можно прийти. Женщина пыталась оставить миску на вечер, хотя уже был вечер.

— На завтрашний, — уточнил он.

— Я же ею сегодня накрываю.

— Тогда сегодня руками держите.

Она назвала его вредным, забрала миску и оставила крышку. Собака под верстаком переставила лапы, освобождая место для упавшей стружки.

Когда Дарья вернулась на «Сороку», на палубе стояли два чистых бидона, мешок картошки и плоская жестяная банка. Ася уже выполоскала край полотна и теперь распарывала мокрый шов. Сева крутил пустую крышку от бидона и время от времени нюхал ладонь: ему дали попробовать мазь от трещин, и запах не проходил.

Виктор сидел у открытого люка. Он забрал у Дарьи деталь, подержал на свет и вернул.

— Сколько?

Она назвала цену за материал. Работу Игнат не считал, поскольку она сделала сама. Виктор вынул деньги и отсчитал ей ровно названную сумму.

— А лебёдка? — спросила Ася, не поднимая глаз.

Он убрал кошелёк.

— Продал.

— За сколько?

— За столько, сколько она стоит без второй рукояти.

— Виктор.

Он назвал сумму. Ася положила иглу на ткань и долго смотрела на него. Дарья держала крышку помпы, не зная, можно ли уже поставить её на место.

— Ещё воду взяли, — сказал Виктор. — Еду. Стоянку оплатил. Старый долг за дерево.

— Покажи.

— Я тебе говорю.

— Покажи, сколько осталось. У меня там доля.

Сева перестал крутить крышку. Виктор посмотрел на него, потом на Дарью и раздражённо выдохнул. Ася не отводила глаз.

— Мы её два месяца не ставили, — сказал он. — Таскаем то сюда, то туда. Игнат держать больше не хотел.

— Я не спрашиваю, почему продал. Я прошу мою часть от продажи. Мы её втроём брали, пока Сева ещё не пришёл. Третья доля тебе досталась от Паши. Моя от этого твоей не стала.

Дарья опустила крышку на тряпку и начала очищать место под новую прокладку. Работа позволяла ей не делать вид, будто она не слышит, и не сидеть слушательницей. Она старалась двигаться тихо.

Виктор снова достал кошелёк. Отсчитал деньги, пересчитал оставшиеся и положил перед Асей часть пачки.

— Больше сейчас нет.

Ася взяла деньги, разгладила смятый край одной купюры.

— Сколько должен, запиши.

— Я помню.

— Мне запиши. Ты своё помнишь, я своё.

Он протянул руку за её книжкой. Она дала книжку и карандаш. Пока Виктор писал, Сева надел крышку на бидон и провернул её до упора, заняв себя полезным звуком.

Дарья установила прокладку, закрыла помпу и попросила его подать рычаг. Вода пошла сразу. Она дважды проверила соединение сухой тканью, затем дала Виктору посмотреть. Никаких капель снаружи не было.

— Вот теперь можно, — сказала она. — Только не ломать рычагом, если снова воздух возьмёт. Сначала проверить.

— Слышал, — ответил он. — Все сегодня говорят, как мне жить.

Ася подняла иглу.

— Я только про свои деньги.

Вечернюю еду принесли с берега: картошку, горячую рыбу в глубокой миске, четыре ломтя хлеба. Дарья ожидала, что после ссоры они будут есть порознь, но Виктор расчистил крышку ящика, Ася сдвинула ткань, а Сева сбегал за ложками. Сердиться здесь приходилось в том же тесном пространстве, где ели и спали.

Рыба была мелкая, костлявая и вкусная. Дарья долго выбирала тонкие косточки, складывая их на край тарелки. Сева съедал быстрее и смотрел, не оставит ли кто картошку. Ася отдала ему половину своей, объяснив, что он сегодня держал полотно хуже, чем ел, и надо бы наоборот. Он сказал, что потренируется.

На берегу зажгли ещё одну лампу. Наверху, возле кривого помидора, женщина вынесла на табурет маленького ребёнка и стала стричь ему ногти. Ребёнок дёргал ногой, смеялся и возмущался; из открытой двери кто-то просил не размахивать ножницами. Дарья слышала каждое слово, как если бы сидела у себя за забором.

— Игнат знает Артёма? — спросила она, когда миска почти опустела.

Виктор отломил кусок хлеба.

— Может, видел. Тот тут с Савелием бывал.

— Он мне показал корень. Который обратно поставили.

Ася перестала жевать, но ничего не сказала.

— Хорошо, — отозвался Виктор.

— Вы знали, что это можно?

— Знал, что бывает. Я не умею.

— А Савелий умеет?

Он провёл хлебом по дну миски, собирая сок.

— У него люди умеют. Затем и берёт, что умеют.

Дарья посмотрела на свои руки. Под ногтем всё ещё белела пыль мёртвого камня; она не заметила её, когда мылась перед едой. Стереть пальцем не получилось. Она взяла чистый край тряпки и осторожно вычистила.

Ей хотелось сказать Виктору, что надо выйти сейчас же. Каждый час отнимал что-то у мокрого среза, который она ещё даже не видела. Но на берегу уже погасла печь, Сева зевал над пустой тарелкой, а Ася расправляла рядом с едой недошитый чужой навес. Дарья ещё ничего не сделала из того, ради чего пришла; эти люди за день успели отвезти женщину, потерять оплату, вернуть мокрый груз, купить воду и поругаться из-за своих денег.

— Когда пойдём? — спросила она.

— На рассвете, — сказал Виктор. — По часам. Я вас разбужу. В узком ходе лучше свежей головой, там встречные бывают.

Она кивнула.

После еды Дарья помогла унести посуду на берег и нашла Игната закрывающим мастерскую. Он выслушал, как встала прокладка, удовлетворённо хмыкнул и снял с гвоздя ключ.

— Можно ещё раз посмотреть тот шов? — попросила она.

Он помедлил, затем вернул ключ на гвоздь.

В тесном проходе вода продолжала капать в воронку. Дарья сняла крупно розовую полосу, спросила разрешения положить рядом свой палец для масштаба. Игнат разрешил. Она фотографировала, пока на экране не стало видно, как неровный край точно продолжает сам себя через шов.

— Чужой подставить можно? — спросила она. — Если свой погиб.

Игнат покачал головой.

— Вот эту руку к другой ладони приложите. Размер вроде тот, а линии все не туда.

Он не добавил ничего утешительного. Дарья поблагодарила его, убрала телефон и вернулась к судну.

Ночью ей досталась койка, на которой днём лежал тюк. Ася устроилась напротив, задвинула занавеску от двери и попросила не включать яркий свет, если Дарья проснётся. Снаружи Виктор разговаривал с Севой о дежурстве. Рядом с ногами Дарьи стояла сумка с инструментом, над головой кто-то прибил старую открытку с настоящим синим небом.

Она разглядывала это небо, пока глаза не закрылись. Во сне у неё никак не сходились две половины белого камня. Она знала, что они от одного целого, но каждый раз прикладывала не той стороной, и Гриша ждал наверху с пустым ведром, уже не подсказывая.

Глава 7. Встречный свет

Утром Дарью разбудил чужой локоть. Она открыла глаза и увидела Асю, которая сидела на краю её койки, натягивая сапог.

— Прости. Тут иначе дверь не открыть, когда все вещи внизу.

Дарья подвинула сумку. Ася освободила сапог от подвернувшегося носка и встала. За занавеской пахло разогретой картошкой. Виктор разговаривал с кем-то на берегу; по голосу было слышно, что он уже успел выспаться и стать хозяином дня.

Дарья села. Во рту пересохло, спина болела от узкой койки. Несколько секунд она пыталась вспомнить, какой клиент ждёт первым и что надо было купить по дороге. Потом увидела над головой открытку и повернулась к синей сумке. Записка сына лежала в рюкзаке, там, куда она убрала её вечером. Она проверила, не отсырела ли бумага, хотя вчера проверяла то же самое.

Выйдя на палубу, Дарья обнаружила у себя на месте кружку тёплой воды и кусок хлеба с рыбой. Ася сидела напротив и ела, не отрывая взгляда от шва. Полотно с зубцами теперь было сухим, аккуратно сложенным; только тёмная полоса на одном краю выдавала вчерашнее купание.

— Успела? — спросила Дарья.

— Осталось отпарить. Люда сама сделает, если когда-нибудь получит.

— Ты не спала?

— Спала. Я ночью не лучше шью, чем днём.

Бидонов на палубе уже не было: воду ночью перелили в судовой бак, а пустую тару вернули Игнату. Он стоял у края настила, придерживая собаку ногой, чтобы не полезла за ним на доску. Собака не собиралась лезть, но, видимо, не хотела лишать его этого утреннего занятия.

— В узком держитесь левого кармана, если встретите широкую, — сказал Игнат Виктору. — У правого камень подняло. Вчера стукнули.

— Знаю.

— Вчера стукнули те, кто позавчера знал.

Виктор кивнул, не споря. Когда доску убрали, Игнат поднял руку Дарье. Она помахала в ответ. Ей хотелось ещё спросить про корни, но за ночь не появилось нового вопроса, на который он мог бы ответить лучше вчерашнего.

«Сорока» отошла. Ремонтная пристань медленно повернулась к ним другой стороной: с воды стало видно, как под жилыми дверями, между каменными опорами, висят старые сети, сломанные корзины и детский велосипед без переднего колеса. Тот, кто жил наверху, смотрел на море поверх всех этих вещей. Дарья впервые увидела нижнюю изнанку чужого дома.

Часа через два свод опустился. Открытая вода сжалась между стенами, ветер стал порывистым и тянул то в лицо, то сбоку. Парус убрали. Виктор и Сева взялись за вёсла, Ася стояла впереди с длинным шестом, выбирая, где не задеть борт. Дарья получила короткий отпорный крюк и место у середины судна.

— В камень упираешь, — объяснила Ася. — Если сорвётся, отпускаешь, пальцы вместе с ним не тащишь. И не лови им то, что далеко. Мы сами подойдём.

Дарья попробовала держать крюк так, чтобы не выставлять локоть за борт. Древко было гладким в тех местах, где до неё сотни раз лежали ладони. У самого наконечника шла чёрная трещина, стянутая проволокой. Она показала её Асе.

— Знаю. На этот рейс хватит. Потом заменю, уже отложила ясень.

Дарья не стала говорить, что дома заменили бы сразу. Дома у неё тоже лежали вещи, которые следовало заменить сразу, а они работали ещё год. Вопрос был в том, кто помнит про трещину и кому отдаёт её в руки.

В проходе пахло иначе: мокрым железом, водорослями и холодом. По стене тянулся светлый след прежнего уровня воды. Кое-где в него были вбиты кольца, за одно цеплялась длинная прядь верёвки. На верхней полке стояли три глиняных горшка. Дарья сперва приняла их за оставленную посуду, потом увидела под ними белые разводы: в горшки собирались капли.

— Чьи? — спросила она.

— Проходные, — ответила Ася. — Кто ставил, того уже нет, наверное. Если пустой человек идёт, может попить. Только сначала посмотри, не зверь ли дохлый.

Из ближайшего горшка торчала деревянная ложка с обломанной ручкой. Дарья представила незнакомую руку, ставящую его на камень, поправляющую, чтобы не опрокинуло. Здесь тоже были вещи, оставленные без расчёта на встречу с тем, кто воспользуется.

За поворотом блеснуло. По воде скользнуло светлое пятно, ударило в стену и рассыпалось на несколько подвижных прямоугольников. Сева остановил весло.

— Идут.

Виктор привстал, посмотрел поверх его плеча и дважды коротко свистнул. Из-за поворота ответили голосом. Слов Дарья не разобрала.

Ася указала на выемку слева. Вместе с Виктором они подвели «Сороку» к камню. Дарья упёрлась крюком, погасила мягкий удар и почувствовала его всем плечом. Сева подал верёвку в кольцо. Судно перестало продвигаться, но вода под ним продолжала тянуть вперёд, шелестя вдоль дерева.

Встречная появилась медленно. Это была широкая плоскодонная барка без надстройки, нагруженная оконными рамами. Рамы стояли почти во всю высоту человека, связанные по несколько штук; в верхних сохранились стёкла, и именно они ловили далёкий свет. За ними шёл человек с шестом. Второй сидел на переднем краю и смотрел вниз, показывая рукой, куда поворачивать.

Барка не шла прямо. Её задний угол отставал, как будто за него кто-то держал. Вдоль борта, глубоко в воде, волочилась толстая верёвка.

— Опять прижал? — крикнул Виктор.

— Не прижал, зажал! — ответили из-за рам. — Подождите, мы сейчас.

Но сейчас не получилось. Барка прошла ещё немного, корма качнулась и остановилась. Человек впереди выругался. Сзади донёсся звук, от которого Дарья сразу сжала крюк крепче: дерево скрипело под чужим весом, не находя, куда податься.

— Борис, не тащи! — крикнула Ася. — У тебя верхняя пачка пошла!

За стеклом мелькнуло лицо. Барка замерла. Человек с шестом поставил его поперёк груза и полез к корме.

Виктор оглянулся на Асю. Она уже доставала мягкие прокладки, которыми берегли борт у причала. Сева подтянул «Сороку» в глубину кармана. Теперь между двумя судами оставался узкий проход; барка могла бы протиснуться, если бы снова двинулась.

Дарья увидела причину остановки, когда Виктор посветил фонарём вдоль чужого борта. Верёвка проходила под задним углом барки, огибала каменный выступ и уходила к маленькой лодке сзади. Её затянуло в расщелину. Лодка развернулась поперёк струи и держала корму, а люди на барке тянули вперёд, затягивая петлю всё туже.

— С лодки отдай! — сказал Виктор.

— Там никого. Я конец не достану, он под рамами.

Борис, хозяин барки, стоял теперь сбоку. У него было красное лицо, седые короткие волосы и широкая полоска пластыря на подбородке. Он показал на связку рам у кормы.

— Отпустишь — лодка уйдёт, — сказал он.

— Сначала новую верёвку на неё заведём.

Виктор посмотрел на расстояние до лодки. Дотянуться крюком мешали рамы. Он мог перейти на барку, но места между пачками почти не было.

— Этот ряд надо сдвинуть, — сказала Дарья.

— Его сдвинешь, потом до вечера собирать будем, — ответил Борис. — Я один его вязал, знаю.

Она положила крюк вдоль борта «Сороки», чтобы освободить руки, и показала на нижний деревянный брусок. Рамы стояли на нём, а между бруском и краем оставалось место для второго упора.

— Не развязывать весь. Сначала сюда упор, потом двумя верёвками верх к стойке. Низ одной пачки отвести на ладонь. Человек боком пройдёт.

Борис посмотрел на неё с явным недоверием.

— Ты стекло возила?

— Тяжёлые вещи двигала. Но если стойка слабая, туда крепить нельзя.

Он проверил стойку рукой, будто сделал это впервые за день.

— Давай попробуем. Только медленно.

Дарья перешла на барку по короткой доске, которую удерживал Сева. Виктор подал ей верёвку. На чужой палубе было скользко от размолотых водорослей; она сразу нашла, куда поставить ноги. Борис хотел, чтобы она полезла в щель первой, но Дарья покачала головой.

— Пока груз не удержали, никто туда не лезет.

— Я же сейчас придержу.

— Руками не удержите. Дайте брусок.

Он раздражённо выдернул из-под сиденья обрезок дерева. Они подложили его к нижнему краю пачки, пропустили верёвки, стянули. Виктор со своей стороны подавал то, до чего было не дотянуться. Ася следила за расстоянием между судами. Когда течением прижало «Сороку» ближе, она остановила их и сначала отвела борт.

На работу ушло больше времени, чем Дарья ожидала. Она не понимала, почему Борис на каждом движении сердится так, будто все приехали мешать ему, пока он не сказал, что наверху разобрали дом и эти рамы сегодня надо довезти в мастерскую целыми. За разбитые ему не заплатят. Сверху груз спускали по одной раме, ночью; он уже вторые сутки не спал как следует.

— Сейчас сделаем, — сказала Дарья. — Сядьте на минуту. Вы верёвку отпустили.

Он сел, но рук с груза не снял.

Когда нижний край пачки наконец отошёл, Виктор протиснулся к корме. С кормы он спустился в лодку, привязал новую верёвку к носовому кольцу и бросил свободный конец Асе. Лишь после этого Борис освободил старую верёвку на барке. Подводная петля ослабла, и Виктор снял её с камня длинным крюком. Ася удерживала лодку новым концом.

Барка дрогнула и сразу пошла вперёд. Дарья ощутила это не ногами, а плечом: груз, в который она упиралась, неожиданно стал легче. Борис поднял голову.

— Держим ещё, — сказала она. — Сначала поставим назад.

Они закрепили пачку на прежнем месте. Один верхний угол стекла всё же треснул. Борис провёл по трещине пальцем и ничего не сказал. У Дарьи под перчаткой горела ссадина; она не помнила, когда успела содрать кожу.

***

За поворотом было широкое место, где можно стоять у камня и не мешать проходящим. Борис поставил барку там. Второго человека он отправил проверить нижние связи груза, а сам принёс на «Сороку», куда уже вернулись Дарья с Виктором, мешочек сухарей и жестяную банку.

— Варенье, — сказал он. — Верхнее. Только густое. Тётка делает, ложка стоит.

Сева посмотрел на банку с таким интересом, что Борис сразу протянул её ему. На крышке было написано синим карандашом: «Слива».

— Ты доску держал? Значит, тебе первому.

Ася приняла подарок, поблагодарила и убрала в сухое место. Дарья сняла перчатку. Ссадина была небольшая, на костяшке; она промыла её из собственной кружки и закрыла пластырем, который нашёлся в рюкзаке. Борис всё это время поглядывал на её инструменты.

— С Виктором давно?

— Второй день.

— И уже работаешь. Умеет он людей устроить.

Виктор улыбнулся, но Дарья ответила сама:

— Мне надо пройти. Вы стояли поперёк.

Борис хмыкнул.

— Тоже верно.

Она спросила про «Долгую воду». Он сразу перестал рассматривать сумку и посмотрел ей в лицо.

— Ты туда за водой?

— За сыном. Артём Корнеев.

— А-а. У Савелия молодой.

Борис присел на борт. Солнца здесь не было, а лицо у него всё равно выглядело обветренным, как у людей, которые весь день работают снаружи.

— Позавчера видел. Они перед узким к краю подходили. Мы как раз одну пачку рам ждали. Твой пришёл, посмотрел наши крепления. Сказал, нижнюю надо ещё раз стянуть.

Он кивнул в сторону барки.

— Что верно, то верно, эту стянуть надо было. А потом я его попросил взять две рамы. Всего две. До нижнего причала, за деньги, мне самому петлю делать. Он отказался.

— Почему?

— На том борту у них люльки. Ходить негде. Я сказал: положим поверх, ничего не будет. Он говорит: люди между ними должны проходить, не будут через стекло лазить. И забрал свою верёвку.

Дарья молчала. Она хорошо знала этот голос сына, хотя Борис его не изображал. Артём мог долго помогать бесплатно, а потом отказать в малом с такой ровностью, что человек чувствовал себя одураченным всем предыдущим добром.

— Значит, он там не просто подаёт? — спросила она.

— Подаёт, когда надо. А ставят по его слову. Савелий только вес спрашивает да когда готовы.

Дарья посмотрела на стеклянные рамы. В одной отразилось её лицо — неровное, поперёк перечёркнутое креплением. Она думала увидеть сына среди чужой команды, объяснить, что сделали его наниматели, услышать, что он понимает только часть. Человек с барки рассказывал о другом: Артём ходил по палубе, выбирал место для груза, отказывал, требовал, чтобы его слушали.

— Куда они дальше? — спросила она.

— На нижний. Куда ещё столько воды. Только за соляным ходом у них остановка была назначена. Один корень там снимать, если откроется.

— Ещё один?

Борис пожал плечами.

— Мне подробности не докладывают. Я ждал, когда они от стенки отойдут. У них матрос говорил: скоро снова к сухому устью. Я ещё спросил, зачем вам туда второй раз, а он сказал — за четвёртым.

— И Артём был рядом?

— Ходил по палубе. Слышал или нет, я откуда знаю.

— Когда они туда придут?

— Сегодня, наверное. Если ветер пустил.

Виктор, до этого молчавший, спросил, не стало ли в соляном ходе теснее после последнего обвала. Борис ответил, что проход свободен, но воздух сильно давит со стороны низкого свода. Его барку развернуло у самого входа; назад он пошёл длинной стороной. Они ещё немного поговорили о камнях и местах для стоянки. Дарья слушала, стараясь понять, сколько времени отделяет их от корабля, но оба называли приметы, которых она не знала.

Когда Борис собрался уходить, она остановила его:

— Вы не видели, корни у них мокрые?

Он посмотрел удивлённо.

— Конечно. Там парень всё время с ведром. Твой на него ещё прикрикнул: нижний край не оставляй. Я тогда подумал, молодой, а уже хозяйничает.

Дарья кивнула и поблагодарила. Ей стало легче от первого слова и тяжелее от всего остального.

Барка отошла первой. Несколько прямоугольников света скользнули по палубе «Сороки», задержались на Асиных руках и ушли в каменную щель. Сева открыл варенье. Оно оказалось густым, сливовым, с крупными кусками кожицы. Он попробовал на кончике ложки и обрадовался так, будто до последней минуты ожидал соли.

— Хорошее, — сказал он. — Будете?

Дарья взяла один сухарь. Ася намазала ей варенье и подала, не спрашивая, голодна ли она. Сладость была сильной, почти резкой после рыбы и хлеба. Дарья жевала медленно, чувствуя, как крошки царапают нёбо.

— Он сказал, что Артём откуда-то наверху брал ещё один? — спросила она Виктора.

— Слышали то же, что я.

— У них хоть предел есть?

Виктор сел рядом, упёршись локтями в колени.

— У Савелия на нижнем люди. Там край упал, весной трещало, а недавно обрушилось. Главные капельники срезало. Сначала из запасов жили, потом стали брать по соседям. Соседи тоже не на пустом море сидят. Теперь он возит.

— Почему вы раньше не сказали?

— Вы спрашивали, где сын и как пройти. Я ответил.

Дарья посмотрела на него. Такой ответ годился для чужого краткого разговора, но они уже ели из одной миски и тащили вместе мокрое полотно.

Он отвёл глаза первым.

— Не хотел, чтобы вы решили, будто я за него оправдываюсь, — сказал он. — Я там людей знаю. И здесь знаю. От этого умнее не стал.

Дарья доела сухарь. На пальце осталась липкая сливовая кожица; она сняла её зубами и вытерла ладонь.

— Я не поеду обратно оттого, что там трудно, — сказала она. — Мне надо увидеть, что он делает. И ему надо меня увидеть.

— Доедем, — ответил Виктор.

На этот раз она не стала добиваться срока. Ася отвязала судно, Сева взял весло. Дарья вернула крюк на место и подняла свою сумку с прохода, чтобы никому не пришлось через неё переступать.

Глава 8. Третий конец

В то утро Артём проснулся раньше, чем его позвали. На «Долгой воде» перестала стучать свободная скоба у лестницы. Пока судно шло, он слышал этот стук даже сквозь сон; теперь тишина означала, что подошли к месту и скоро будут искать его.

Он лежал ещё немного, глядя на нижнюю сторону верхней койки. Между досками была засунута сложенная бумажка. Кто-то до него пытался заткнуть щель, через которую сыпалась пыль. Бумажка высохла, покоробилась и держалась одним углом. Артём прижал её большим пальцем, потом отпустил. Не хватало ещё начать утро с чужой койки.

На палубе было холодно. Он застегнул куртку, прошёл между деревянными люльками и остановился у третьей. Ткань на верхнем срезе потемнела от влаги, но дальний край уже подсыхал. Артём тронул его двумя пальцами и позвал Романа.

Роман, матрос с короткой седой бородой, вышел из-за мачты с кружкой. Он был старше Артёма почти вдвое и не любил, когда его звали через всю палубу. Особенно до завтрака.

— Я час назад смачивал.

— Этот край сухой.

— Сейчас дойду.

— Давайте я. Где ведро?

Роман молча указал под скамью. Артём взял своё чёрное ведро с белой полосой засохшей краски возле ручки. Мать когда-то хотела эту краску отскрести, но так и не собралась: ведро всё равно возили с инструментом. Он забрал его из сарая перед отъездом, набил тряпками, ключами и старым свитером. Мать спросила, неужели сумку нельзя купить. Он ответил, что ведро тоже пригодится. Здесь оно пригодилось раньше сумки.

Артём набрал немного воды из служебного крана, намочил свежий кусок ткани и расправил его поверх среза. Под тканью угадывался неровный рисунок: глубокая выемка сбоку, три коротких выступа рядом. Он узнавал этот корень даже укутанным. Он сам выбрал место под материнским колодцем, сам объяснил Рудневу, откуда будет удобнее снять. Сказал, что дома напарник, машины с водой ходят и на время можно обойтись. Руднев не заставлял его произносить ни одного из этих слов.

Сейчас корень лежал в люльке, закреплённый широкими ремнями. Нижний отросток был направлен над желобом, и с него шла ровная струя. Желоб уводил воду в закрытый металлический бак под палубой. Рядом висела мерная рейка, на которой Роман отмечал уровень утром и вечером. Под ногами Артёма находилось несколько тонн воды, и это ощущалось по тому, как медленно отвечало судно на каждое движение волны.

— Ты мне бы сразу сказал, что сам будешь, — произнёс Роман. — Я бы и чай не оставлял.

— Я сказал, какой край.

— А я сказал, что дойду.

Артём выжал лишнюю воду обратно в ведро. Он понимал, что можно было подождать ещё минуту. Но ждать возле подсохшего среза было невозможно; все слова о коротком рейсе и возвращении домой держались сейчас на этой мокрой ткани.

— Извините, — сказал он. — Я со сна.

Роман кивнул и вернулся к кружке.

У носа Яна раскладывала хлеб на широкую доску. Она надела поверх куртки старый фартук, завязанный двумя узлами: один держал тесёмку, другой прятал оборванный конец. Увидев Артёма, она отодвинула для него ломоть потолще.

— Не бери тот, он Роману, — предупредила она. — Он вчера говорил, что у тебя рука тяжёлая, всем одинаково не отрезаешь.

— Я только себе тоньше.

— Вот потому и говорил. Ему потом на тебя смотреть.

Артём взял свой ломоть. Яна протянула маленькую миску с густой кашей, сняла с его плеча прилипшую нитку и некоторое время держала её между пальцами, не находя, куда деть. Он подставил пустую ладонь. Она положила нитку туда и улыбнулась.

Они познакомились у печи. Он пришёл чинить перекошенную дверцу, а она попросила сперва поесть, потому что от голодного человека только лишние шурупы остаются. С тех пор он трижды чинил ей то, что действительно требовало починки, и дважды то, что прекрасно работало. Яна заметила это на второй раз, но не прогнала.

Теперь её печь осталась на нижнем причале под присмотром сестры. Яна вышла на корабле на последний сбор воды: хлеб для команды, раздача на двух остановках, учёт пустой тары, которую постоянно кто-нибудь забывал вернуть. Она собиралась вернуться раньше, чем сестра успеет окончательно решить, что печь лучше держит жар с приоткрытой заслонкой.

— У тебя от мамы пришло? — спросила она.

Артём покачал головой. Телефон лежал внизу, выключенный. Последний раз он поднимался к связи ещё до того, как передал письмо Виктору. Тогда мать прислала фотографию чужой кривой трубы и спросила, его ли это работа. Он ответил, что не его. Про море не написал.

— Сегодня выход есть, — сказала Яна. — Савелий с верхним уже говорил.

— Знаю.

— Позвони.

— Сначала снимем. Потом поднимусь.

Она вытерла нож, положила его на край доски.

— Ты и прошлый раз собирался после.

Артём доел кашу. Он мог объяснить, что прошлого раза не было: они подошли слишком поздно, потом поднялась вода, потом Роман подвернул ногу и пришлось оставаться у лебёдки. Всё это было правдой. Но Яна спрашивала не о последовательности работ.

— Позвоню, — сказал он.

Она не стала брать с него слово. Подошёл человек с пустой миской, попросил добавки, и Яна вернулась к завтраку.

***

Сухое устье находилось под широкой плоской губой камня. Корабль к ней вплотную не подходил: между ним и стенкой работала грузовая лодка. На её дне заранее уложили две поперечины, мягкие прокладки и пустую люльку. Цепь от судовой стрелы проходила через верхний блок; Роман проверял её, медленно выбирая слабину.

Артём стоял в лодке вместе с Валерой, плотником с нижнего причала. Они закрепили лодку двумя концами, но каждый порыв всё равно отводил нос от стены. Сверху пахло землёй. В устье иногда появлялась рука человека, который ждал, когда они закончат.

Савелий Руднев спустился с корабля последним. Он был без куртки, в плотной тёмной рубахе, и нёс небольшой мешок. Подойдя к устью, поднял голову.

— Пётр Иванович! Ещё раз: на этом месте воду сейчас не берёте?

— Не беру я, — ответили сверху. — Насос старый сняли. Мне его всё равно чистить надо.

— А соседние?

— У соседей скважина. Я вам вчера сказал.

Артём посмотрел вверх. Лица хозяина он не видел, только ладонь на мокром краю. Они были здесь накануне, осмотрели корень и оставили отметку на камне. Пётр Иванович не удивлялся морю так, как удивился бы человек, увидевший его впервые. Он хотел знать, сколько заплатят за простой колодца, и можно ли поднять деньги сейчас.

Руднев привязал мешок к спущенной верёвке. Артём знал, что внутри деньги и новая ручка для старого насоса: хозяин просил привезти подходящую. Его поразило, с какой лёгкостью Савелий запомнил эту ручку среди всех остальных дел.

— До конца рейса, — сказал капитан. — Потом ставим обратно. Артём место записал.

— Записал, — подтвердил он.

Наверху потянули мешок. Капитан подождал, пока он исчезнет, затем повернулся к лодке.

— Начинайте.

Корень здесь был короче материнского, зато шире у основания. Нижний отросток напоминал подвёрнутую ступню. Артём провёл по нему мокрой ладонью, проверил ткань, которой они обернули основание, и поднял голову к Роману. Тот держал цепь натянутой, но пока не принимал полный вес.

Первые три корня снимал Валера. Артём помогал, отмечал положение, готовил люльки. Сегодня плотник подал ему короткий плоский резак, показал место и отступил на полшага. Артём понял, что дальше должен сделать сам.

Он не спешил. Сначала провёл пальцем по границе, где белый камень переходил в серый. Выше лежала тонкая розоватая полоса, податливая, как плотный воск, если её долго смачивать. По ней и отделяли. Валера сказал не задевать нижние ходы, не выравнивать неровности для красоты и не позволять корню повернуться, когда отпустит последний участок.

Корень уже охватили цепной стропой и двумя боковыми верёвками. Артём посмотрел на широкий нижний отросток.

— Третий конец куда? — спросил он.

Валера указал на свободный угол лодки.

— Туда прихвати.

— Там слабая доска.

— Я держать буду.

Артём посмотрел на доску. Она была целая, но крепилась к старой треснувшей стойке. Одного рывка могло хватить.

— Давайте к кормовому кольцу. Длиннее, зато не вырвет.

Валера хотел возразить, затем пожал плечами. Они пропустили ещё одну верёвку под каменной ступнёй и отвели назад. Теперь её можно было удержать от поворота отдельно от цепи и двух боковых связей.

Руднев смотрел с края лодки. Он не подгонял. Это Артёму нравилось в нём больше всего: Савелий мог спросить, почему долго, уже после работы, но под рукой стоял молча. Мать, даже когда молчала, умела взглядом показать все способы, которыми он сейчас ошибётся.

Инструмент входил в розовую полосу тяжело. Артём чувствовал, как от камня через рукоять идёт слабая дрожь. Сверху упали песчинки. Потом корень едва заметно опустился, цепь звякнула, и Валера сказал: «Держи». Артём сунул резак в петлю на поясе и ухватил нижнюю верёвку. Корень попытался повернуться, натянул третий конец и остался в прежнем положении.

Из белого отростка пошла вода. Сначала мутная, с мелкими крупинками, потом прозрачная. Она била в лодку, и Артём торопливо подставил таз. Валера завёл край люльки, Роман понемногу потравил цепь. Каменная тяжесть медленно легла на подготовленные поперечины.

В этот момент сверху закричали.

— Пап! Что ты там делаешь?

Голос был женский. Артём поднял голову, держа таз под струёй.

— Я тебе сказал, заняты мы! — отозвался Пётр Иванович.

— У меня в нижнем колодце шланг пустой. Ты опять перекрыл?

Руднев посмотрел наверх. Артём — на него.

— Вы говорили, никто не берёт, — сказал капитан.

— Это дочь, — ответил Пётр Иванович. — Там мелкий колодец, на грядки. Пускай из дома носит, там кран есть.

Вчера он говорил только об одном старом колодце. Артём слышал, как Савелий спрашивал про соседние, и счёл ответ достаточным. Теперь вода пропала и во втором, о котором они ничего не знали.

— У меня теплица! — крикнула женщина. — Пап, ты с кем разговариваешь?

Руднев поднял руку, попросив Артёма подождать. Валера держал люльку, Роман сверху что-то спросил про цепь, но ему никто не ответил.

Артём стоял с наполнявшимся тазом. Он мог сказать, что надо вернуть сейчас, пока они не отошли и корень ещё лежит под собственным срезом. Для этого пришлось бы снова принять вес, поднять, совместить, возможно, потратить весь день. Он знал каждое необходимое движение — и всё равно первым посмотрел на воду в тазу. Она уже доходила почти до края.

— Дома кран работает? — спросил он наверх.

— Работает! — сердито ответил Пётр Иванович. — Я же не ребёнок, чтобы семью без воды оставить.

Женщина говорила ещё что-то, но теперь дальше от края. Артём слышал только голос, не слова. Руднев спокойно попросил хозяина объяснить дочери, что ремонт займёт время, и обещал оплатить шланг от дома, если тот нужен.

Артём перелил воду из таза в приготовленную бочку. Ни он, ни капитан не сказали женщине, что они уносят из-под колодца. Пётр Иванович повторил сверху: «Ремонт здесь, я тебе говорил». Артём позволил этому слову остаться.

Пока цепь поднимала люльку на корабль, он смотрел на пустую розовую чашку в камне. На одном её краю выступила капля, дрогнула и исчезла внутрь. Наверху снова поссорились, уже обычными домашними голосами, и он захотел поскорее отойти, чтобы их не слышать.

***

К обеду четвёртый корень стоял на палубе. Артём проверил ткань, наклон нижнего отростка, все три крепления и желоб. Первую мутную воду они собрали отдельно; теперь чистая струя шла в бак. Роман сделал отметку на рейке и сказал, что до верхней черты ещё далеко.

Руднев пришёл к нему с двумя кружками чая. Поставил одну на край люльки, но Артём тут же переставил на скамью: нельзя было оставлять горячее рядом с мокрым срезом, даже если кружка ничего не касалась.

Капитан заметил и кивнул.

— Хорошо взяли.

Артём посмотрел на новый корень.

— С дочерью надо было поговорить.

— Её отец хозяин колодца.

— Она оттуда поливала.

— Теперь будет от дома. Мы за это заплатили. Если бы наверху не было другого крана, я бы не взял.

Артём помнил три других устья. У матери не было крана от общей сети, у Маргариты тоже. Там были привозная вода, соседи, деньги, которые он послал с Виктором. Он не стал напоминать капитану разницу, потому что она прежде всего возвращала разговор к нему самому.

— Когда обратно пойдём? — спросил он.

— Сначала дойдём до нижнего. Посмотрим запас. Тамара должна была собрать людей по домам, а не как прошлый раз — все с разной посудой на одной доске.

— Я про корни.

Руднев прислонился к борту.

— Я слышу. Разгрузим воду, подготовим обратные люльки. Если теперь к верхним устьям повернём, люди будут ещё неделю ждать. Ты же сам это считал.

— Я говорил, после этого рейса.

— Вот этот и закончим. Артём, я тебе хоть один срез дал засушить? Поставил новый корень без тебя? Ты всё видишь. Не начинай спорить с тем, чего ещё нет.

Капитан отпил чай. За его спиной двое матросов переносили сложенный парус; один остановился, поправил хват, второй терпеливо ждал. На «Долгой воде» каждый знал, куда ему идти, и это спокойное устройство работы действовало на Артёма сильнее капитанского голоса.

— Наверх поднимусь, — сказал он. — Позвоню.

Руднев посмотрел на устье. Свет оттуда ещё падал, но лодку уже отвязали от камня и вели к борту.

— Сейчас ветер хорош. На стоянке за ходом есть выход, если открыт. Здесь придётся опять ставиться.

— Я Яне обещал.

— Тогда поезжай. Я без тебя корень не брошу. Только реши сразу, пока лодку не подняли.

Капитан не запретил. От этого стало хуже. Артём мог сейчас позвать Романа, вернуться под устье, подняться к человеку, который скрывал от дочери их работу, и набрать мать. Они потеряли бы сколько-то времени. Возможно, час. Возможно, больше. Он представил её голос, первые вопросы, те места, где придётся говорить правду, а потом — четыре мокрых среза, Янину печь, людей с пустыми бидонами у повреждённого причала.

— На следующей стоянке, — сказал он.

Руднев кивнул и пошёл к корме. Артём остался с чаем, которого почти не чувствовал на вкус.

Яна нашла его там же. Она принесла грязную посуду к ведру для мытья, увидела его лицо и поставила миски на палубу.

— Не позвонил?

— Пошли уже.

Она посмотрела на движущуюся воду у борта.

— Я вижу.

— На следующем выходе.

Яна села на скамью. Артём подвинул ей кружку, но она не взяла.

— Перед отплытием сестра велела тебе сказать, что у Ольги муж с лестницы упал, — сказала она. — До верхнего бака не дойдёт. Надо им отдельно принести, когда вернёмся.

— Принесём.

— И на третьей площадке труба лопнула. Они остаток в кастрюли собирали. Я потому и пошла в рейс — чтобы на обратном пути не выяснилось, что всё уже распределили без них.

Артём слушал. Этих людей он знал: Ольга однажды дала ему сухую куртку, когда он провалился между лодкой и стенкой; её муж смеялся, что куртка теперь обратно не вернётся. Она вернулась, выстиранная, с новой пуговицей. В тот день вода ещё шла по трубе, и никто не считал, сколько нужно на стирку одной вещи.

— Я понимаю, — сказал он.

Яна потерла ладонью переносицу.

— Я знаю. Только я не хотела, чтобы ты сейчас этим прикрылся от разговора с мамой. Это другое дело. Ольге воду я и сама отнесу.

Он посмотрел на неё. Яна сидела усталая, с неровным следом муки у виска; она пекла на корабельной печке ночью, чтобы к раздаче хлеб не успел зачерстветь. Ему хотелось обнять её, отнести миски, сделать всё, что она попросит, лишь бы не стоять перед ней человеком, который уже второй раз отложил звонок.

— Дай сюда, — сказал он, протягивая руку к посуде.

Она подняла миски сама.

— Допей. Потом поможешь.

Она ушла, и Артём не стал её догонять. Он допил холодеющий чай, вымыл кружку в общем тазу и вернулся к люлькам. У материнского корня ткань оставалась мокрой. Он всё равно расправил край, прижал его осторожно, как прижимал утром бумажку в щели над койкой, и задержал ладонь.

Под пальцами было тепло. На другом конце этой воды мать стояла, вероятно, у пустого колодца. Он знал, что мог позвонить ей сегодня, и теперь уже не мог сказать себе, будто случая не было.

Глава 9. Соляной ход

После узкого прохода море снова развернулось перед ними, но простор оказался обманчивым. Впереди шла длинная белая стена, уходившая в воду под небольшим наклоном. Возле её подножия лежали плоские глыбы, покрытые солью. Издалека они напоминали льдины. Между глыбами открывались тёмные протоки, и в каждой вода двигалась по-своему.

Виктор повёл «Сороку» вдоль стены. Парус подняли не полностью. Ася долго смотрела на его верхний край, потом спустилась к скамье и проверила два свёртка, закреплённых под ней.

— Малый сюда подвинь, — сказала она Севе. — Если прижмёт, чтобы сразу вынуть. Большой пока не трогаем.

Сева переставил свёртки. Один был длиннее и толще, другой можно было обхватить руками. Он перебрал крепления, затянул ремень и положил сверху короткую верёвку, которой обычно связывал мокрые рукавицы.

Дарья спросила, сколько ещё до конца хода.

— Если так будет дуть, к вечеру выйдем, — ответил Виктор.

— А если не так?

— Тогда раньше остановимся.

Ася, стоявшая рядом, указала на дальний белый выступ.

— У разрезанного камня можно переждать. Дальше до следующей полки пусто. Там решим.

Дарья проследила за её рукой. Камень действительно был похож на рассечённую вдоль булку: тёмная щель посередине, два белых округлых края. Она запомнила его. Здесь было важно хотя бы иногда знать, что называют другие, и не поворачиваться всякий раз к Виктору, ожидая объяснения.

Ветер понемногу крепчал. Он гнал над водой мелкую сухую пыль, и Дарья не сразу поняла, почему после каждого вдоха хочется сглотнуть. Потом на рукаве появились белые крупинки. Ася смочила ткань, повязала на шею так, чтобы можно было поднять к лицу, и дала второй лоскут ей.

— Здесь со стен сдувает. Глаза не три.

Дарья убрала телефон в пакет и застегнула рюкзак. Синюю сумку отнесла вниз, уложила под койкой и пристегнула ремнём к деревянной скобе, которую показала Ася. Тяжёлое не должно было гулять по полу. Когда она вернулась, Сева уже связывал крышки ящиков. Виктор попросил проверить дверь надстройки: задвижка плохо попадала в паз, если полотно перекосится.

Дарья пошевелила дверь, подняла за ручку и закрыла. Простое движение успокоило её. Ветер, море, белая стена были чужими; деревянная дверь, которую надо немного приподнять, была знакома до раздражения.

У разрезанного камня они остановились ненадолго. Ася сошла на низкую площадку, проверила кольца, потом поднялась обратно. За камнем вода была почти гладкой. Можно было остаться здесь, поесть, дождаться другого ветра. Дарья смотрела на эту гладь с неожиданной благодарностью, хотя ещё утром торопила бы любого, кто предложил стоянку.

Виктор оглядывался вперёд. На воде за выступом не было высоких волн, только длинные тёмные полосы быстро проходили одна за другой.

— Борис с широкой шёл, — сказал он. — Его разворачивало. Нас потянет вдоль.

Ася подняла лицо к своду.

— Пока вдоль.

— Дойдём до закрытой полки. Там и ночь проведём.

Она некоторое время молчала, потом кивнула.

— С малым парусом. И если начнёт бить от стены, разворачиваемся, пока можно.

Виктор посмотрел на Дарью, будто проверяя, собирается ли она сейчас просить прибавить ходу. Она стояла у двери и держала конец верёвки, который ей велели не отпускать.

— Я здесь не знаю, — сказала она. — Делайте как безопаснее.

Он кивнул и велел Севе готовить малый парус.

Сначала всё шло спокойно. Основной большой парус опустили и связали, оставив судно идти на вёслах под прикрытием камня. Ася вынула малый из мешка, проверила углы. Сева держал один край, чтобы ткань не потащило в воду. Дарья подала короткий конец, потом второй; её помощь была простой, и она старалась не угадывать следующие движения за других.

Малый парус наполнился. «Сорока» пошла легче, чем прежде, с частыми короткими кивками. Белый камень остался за кормой. Сева убрал пустой мешок и сел рядом с Дарьей.

— Теперь нормально, — сказал он. — На большом бы нас тут разложило.

Ася оглянулась.

— Ты лучше второй свёрток убери подальше. На проходе оставил.

Сева встал. Большой запасной парус, который утром пододвинули ради малого, лежал у конца скамьи, закреплённый одним ремнём. Он снял этот ремень, собираясь протолкнуть свёрток дальше под сиденье, и в этот момент по судну ударило.

Дарья не увидела волну заранее. Сначала услышала низкий звук из глубины хода, похожий на далёкую тяжёлую дверь, которую катят по полу. Потом ветер вдавил ткань ей в рот, «Сорока» наклонилась, а всё свободное на палубе разом поехало к борту.

Сева упал на колено, прижал свёрток. Дарья схватила его за куртку, но он потянулся вперёд раньше, чем она успела удержать. Парусный мешок ударился о борт, верхние завязки разошлись, и длинный край ткани выметнуло наружу. Ветер схватил его. Остальной свёрток пошёл вслед.

— Отпусти! — крикнула Ася.

Сева отпустил. Судно в этот миг качнулось обратно, он опёрся рукой о палубу и вскрикнул. Дарья успела вцепиться в его ворот и притянуть к скамье. Мешок с запасным парусом исчез за бортом. На воде ещё мелькнул белый ком, быстро развернулся и ушёл под тёмную складку.

Дарья сидела, обняв Севу поперёк груди. Он был тяжелее, чем казался, и весь дрожал от попытки вырваться.

— Пусти, я встану!

— Сиди.

— Рука!

Она посмотрела вниз. Левое запястье он держал правой рукой, прижимая к животу. На рукаве выступила вода. Крови она не увидела.

Ася уже была возле них. Присела, взглянула на руку, затем на лицо Севы.

— Пальцы чувствуешь?

Он кивнул.

— Тогда пока держи как легче. Вниз сейчас не ходи. Даша, с ним останься.

Она вернулась к парусу. Виктор что-то крикнул, и оба потянули одну верёвку, короткими движениями, пережидая рывки. Малый парус дрожал, край его бился так быстро, что Дарья не различала ткань. Впереди белая стена исчезала в пыли.

Вода перелилась через борт и ударила Дарью по ногам. Холод прошёл сквозь ботинки мгновенно. Сева застонал, когда её колено толкнуло его руку. Она извинилась, хотя он, кажется, не услышал.

— Назад? — крикнула Ася.

Виктор посмотрел за корму. Разрезанный камень ещё был виден, но волны теперь шли между ним и судном наискось. Он начал поворачивать, и «Сороку» резко положило на бок. Дарья увидела воду там, где секунду назад находился поручень. Сева всем весом лёг на неё.

— Вперёд! — крикнул Виктор. — К щели, под низкий!

Ася отпустила один конец и подхватила другой. Судно медленно выпрямилось. Дарья не поняла, что они сделали, только почувствовала, как вернулась опора под спиной. Впереди у самой воды темнела узкая щель. До неё ещё надо было дойти.

***

Время распалось на отдельные поручения. Удержать Севу. Прижать крышку. Перехватить верёвку, которую Ася передала на несколько секунд. Дарья делала каждое и сразу забывала предыдущее. Когда Виктор попросил таз, она спросила какой, хотя на судне он был один.

— У двери! Вычерпывать!

Она увидела его, зажатый между ящиком и стенкой. Тот самый таз, который Сева принёс ей при первом приступе тошноты. Теперь в нём лежала щётка. Дарья выкинула щётку на скамью, опустила таз в воду у ног и выплеснула за борт. Половина воды вернулась ей в лицо.

— С другой стороны! — крикнула Ася. — По ветру!

Дарья переставила ноги, вычерпнула снова. Получилось лучше. Сева сидел у надстройки, удерживая левую руку под правой мышкой. Она каждые несколько движений оглядывалась на него. Он злился, что она смотрит, и всё равно встречал её глаза.

В кормовой части работала отливная помпа. Виктор качал её свободной рукой, пока Ася удерживала судно на выбранном направлении. Пресный бак оставался закрыт; рычаг от питьевой помпы был привязан, чтобы не бился. Дарья видела оба устройства разом и вдруг подумала, как мало стоят вчерашние аккуратные проверки, если теперь через край идёт целое море. Потом снова погрузила таз.

У низкого свода ветер стал тише, зато волна поднималась круче, ударяясь в камень. Ася приготовила два толстых свёртка для защиты борта. Сева попытался встать помочь, но она ткнула его локтем обратно на скамью.

— Одной рукой сейчас хуже сделаешь. Сиди и свет держи.

Она достала фонарь, вложила ему в правую ладонь. Он включил его и направил вперёд. Луч дрожал, перескакивал с воды на камень, но наконец остановился на железном кольце в глубине щели.

Дарья увидела площадку. Низкую, тёмную, едва выше нынешней воды. За нею нависал каменный потолок, а дальше проход уходил в сухую глубину. Это не было похоже на пристань. Здесь не стояли лодки, не было дверей, никто не смотрел, как они подходят.

Виктор велел Асе подавать конец. Она бросила петлю, не попала, выбрала мокрую верёвку и бросила снова. Второй раз петля легла на выступ рядом с кольцом. Дарья приготовилась тянуть, но Ася удержала её руку.

— Ещё не держит.

Она подтянула судно крюком ближе, дождалась, пока нос опустится, и шагнула на камень. Дарья ахнула, сама не заметив, что издала звук. Ася уже стояла на коленях, одной рукой держась за кольцо, другой продевая верёвку. Через несколько секунд конец был закреплён.

«Сороку» развернуло. Борт мягко ударился о подложенные свёртки, потом ещё раз, сильнее. Виктор передал Дарье второй конец и показал, где держать. Она держала, пока Ася не нашла другое крепление. Кисти начали болеть; Дарья не сразу поняла, что слишком крепко сжимает верёвку там, где уже не требуется.

Когда судно оказалось привязано, никто не сказал, что всё кончилось. Виктор проверял узлы, Ася искала сухую доску, Сева продолжал светить в кольцо, хотя оно больше никому не

было нужно. Дарья вычерпывала остаток воды возле двери. Таз цеплялся за выступ, не хотел становиться ровно, и эта мелкая помеха довела её почти до слёз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.